Марина Эльденберт
Заклятые супруги
ЛЕДИ СМЕРТЬ
16+

Марина Эльденберт

Заклятые супруги. Леди Смерть

Серия «Леди Энгерии», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67677704
SelfPub; 2022

Аннотация

В игре, в которую я ввязалась, магия смерти – мой единственный козырь. Притворяться женой графа де Ларне – настоящая пытка. Его сердце переполнено жаждой мести, мое – сводит меня с ума. Любовь? Слишком сильное чувство. Ненависть? Слишком громкое слово. Самая страшная битва – битва с собой, и проиграть ее я не имею права.

Второй роман серии «Заклятые супруги».

Содержание

Пролог 4
1 12
2 21
3 31
4 39
5 49
6 58
7 66
8 75
9 84
10 92
11 101
12 112
13 125
14 138
15 152
Конец ознакомительного фрагмента. 153

Марина Эльденберт
Заклятые супруги. Леди Смерть

Читателям с Lit-Era, которые были с нами от пролога и до последней точки

Пролог

– Я тебя уничтожу, – прошипел Эрик. Он стоял в центре залы, на возвышении, сцепив руки за спиной. – Уничтожу все, что тебе дорого.

Анри мазнул по нему равнодушным взглядом и отвернулся.

Все, что было ему дорого, он уже уничтожил. Собственными руками.

– Не усугубляй, – негромко сказала Вероник.

Она застыла за спиной Эрика, конвоир при сводном брате. С темными как ночь волосами, собранными на затылке, с ядовитой зеленью глаз. В черничном, наглухо застегнутом платье без кринолина. На мгновение перед глазами Анри возникло совсем другое лицо – в обрамлении длинных волос, которые так приятно пропускать между пальца-

ми, яростный взгляд, упрямо сжатые губы, тонкая линия подбородка. Впрочем, только на мгновение.

– Кто они такие, чтобы меня судить?!

Ответа, его разумеется, не удостоили.

Мальчишка выглядел неважно: бледный, с перекошенным от злобы лицом. Каштановые волосы растрепаны, глаза лихорадочно сверкают. В последние месяцы жизнь не баловала – домашний арест в родовом замке, никакой магии и ожидание приговора. Он не представлял, что Симон вынесет это дело на рассмотрение Совета, и уж тем более не думал, что дойдет до такого. Впрочем, жалости Эльгер-младший не заслуживал. Даже несмотря на то, что стал подсудимым собственного отца.

– Ты меня слышишь, солнечный мальчик? Слы-ши…шь?

Внимания он тоже не заслуживал. В отличие от людей, которые собрались решить его судьбу. Они переговаривались – негромко, но их внимание было посвящено не только провинившемуся мальчишке. Гораздо больше их интересовал другой. Тот, чья сила способна низвергнуть любого из них – сильнейших магов современности. Хэандаме. Золотая мгла, сила поглощения. Совершенная, беспощадная и неумолимая антимагия, и никто из них не способен ничего ей противопоставить.

Анри Феро, граф де Ларне.

С куда большей радостью они бы избавились от него.

Но он был нужен Симону, а потому неприкосновенен.

Огни магических светильников, паривших под высокими потолками залы, создавали иллюзию дневного света: ни за что не скажешь, что находишься в подземелье. Кроваво-красное ковровое покрытие на полу, каменные стены и длинный стол, за которым расположились собравшиеся. За их спинами растянулся гобелен с картой мира, заключенной в полукруг с расходящимися от него лучами. Пустовало только кресло посередине – место Симона, и крайнее справа – лорд-канцлера Энгерии, поплатившегося за свою самонадеянность жизнью.

Зал Правосудия.

Так называли его те, кто жил по своим законам.

– Приветствую всех.

Громкий, властный голос, как хруст расколовшейся льдины. Темные волосы немногим длиннее плеч, идеально прямые. Выправка, которой может позавидовать любой офицер. Стоило герцогу ступить на порог, в зале воцарилась тишина. Он прошел и остановился рядом с Анри, положил руку ему на плечо.

– Прежде чем мы начнем, хочу лично представить вам человека, превосходно зарекомендовавшего себя в Энгерии.

Все взгляды устремились на них, а Симон тем временем продолжал:

– После постигшей Итана Аддингтона неудачи, мы лишились глаз и ушей при дворе ее величества Брианны. В Лигенбурге граф провел отличную работу, все мы уже имели воз-

можность ознакомиться с ее результатами и оценить представленные на рассмотрение кандидатуры. В самое ближайшее время соберемся по этому поводу, пока же приветствуйте одного из нас. Наши ряды пополнились достойным человеком. Добро пожаловать, граф. Да пребудет с нами Рассвет!

Он вскинул руку, эхо голосов прокатилось по залу и затихло, когда Анри и Симон заняли места за столом.

– У вас было время оценить последствия действий маркиза.

Зашуршали папки, и Эрик ухмыльнулся, скрывая страх и бессильную ярость. Он сунул сжатые кулаки подмышки, вены на шее вздулись.

– В первую очередь, это раскрытие истинной силы перед женщиной, не имеющей к нам никакого отношения.

– Никакого?! – крикнул Эрик. – Ты хотел видеть девчонку среди нас! То, что она увидела и узнала, она бы узнала от тебя, это было делом времени…

Мальчишка осекся и дернулся. От взгляда, которым герцог наградил сына, в зале ощутимо похолодало.

Анри поймал интерес сидящей рядом Евгении: слишком цепкий и изучающий для выразительных небесно-голубых глаз. Хрупкое создание, кузина его величества, женщина, способная смести с лица земли целый город. Она что-то написала на листочке, незаметно для остальных подвинула записку к нему.

– Своеволие, в результате которого могла погибнуть жен-

щина с уникальной силой и бесценной кровью, действующий некромаг высшего уровня. Нарушение прямого приказа, нападение на графа де Ларне и его подчиненных, действующих в наших интересах.

Анри опустил взгляд: изящный каллиграфический почерк, буквы одна к одной.

«Опасное чувство к опасной женщине? Эрик говорит, ты от нее без ума».

Он накрыл записку ладонью, сожалея, что не способен развеять прахом, как это сделала бы *она*. Едва уловимо улыбнулся, покачал головой и подвинул бумажку обратно. Евгения хмыкнула, но Анри уже отвернулся, чтобы окунуться в чужую ненависть. Эльгер-младший смотрел на него так, словно пытался вытащить душу, намотать на руку и сунуть в костер. Вот только вытаскивать там нечего. Никогда не было, а теперь и подавно.

– Решаем большинство голосов. Мое решение: виновен. Альмир?

Лицо, закованное в рамки белоснежной чалмы, осталось бесстрастным. Намийский шейх поднял руку, и подчиняясь потокам его силы в песочных часах закрутились небольшие вихри.

– Невиновен.

– Рэм?

Загорец огладил густую бороду, захлопнул папку и спокойно взглянул на Эрика:

– Виновен.

Еще один из присутствующих высказался за и трое против.

– Анри.

– Виновен.

Почему-то это слово далось тяжелее, чем он себе представлял. Но думать еще и о том, почему, не было ни сил, ни желания.

– Графиня? Ваш голос решающий.

Евгения улыбнулась. Намотала на палец длинный белокурый локон, наклонила изящную головку. Она терпеть не могла зарвавшегося мальчишку, и он это знал. А еще он знал, что сейчас целиком и полностью в ее власти. Поэтому она позволила себе помедлить. Поэтому и еще потому, что графине не нравился Анри: из Энгерии он вернулся не к ней, а в Вэлею. Чужим.

Все из-за той девчонки.

Евгения сжала руку так, что ногти впились в ладонь, и произнесла, смакуя каждую букву:

– Виновен.

– Су-у-ка! – выдохнул Эрик и рывком бросился с постамента.

Вероник едва уловимым глазу движением выбросила вперед руку – и он словно налетел на невидимую стену. Лезвие шаанха, иньфайского удлиненного кинжала, застыло в сантиметре от горла сводного брата. Эрик сглотнул и отступил

на несколько шагов, вскинул руки. Бежать некуда – в замке его держала клетка Каори, вырваться из которой не под силу даже самому могущественному магу. А значит, сейчас его отведут в лаборатории – по доброй воле или силой, обездвижат и введут кровь ненавистного Анри де Ларне. Кровь хэандаме – токсин, выжигающий магию подчистую. Он превратится в пустышку, в никчемное отребье. Отец никогда его не ценил, а после такого вообще перестанет замечать.

– Большинством голосов виновен, – коротко заключил Симон, – приговор надлежит привести в исполнение немедленно.

– Вы пожалеете, – хрипло процедил он, складывая вспотевшие ладони вместе, чтобы унять дрожь. Анри на него не смотрел, но Эрик глядел за двоих – пристально, чтобы впитать каждую искру ненавистного золота – в глазах, на волосах, с загорелой кожи. Впитать, запомнить и раздуть из них такое пламя, которое поглотит их всех. Всех, осмелившихся решать его участь, как судьбу безродного плебея. Но в первую очередь отца, который это допустил, и того, кто станет орудием.

– Из меня вытравят магию, но не мозги, – голос почти не дрожал, и губы растянулись в улыбке. – Слышишь, солнечный мальчик? А я слышал, что браслет все еще при тебе.

– Достаточно, – Симон поднялся и кивнул. – Вероник, проводи маркиза. Господа, прошу.

Зашумели отодвигаемые стулья: правила требовали, что-

бы во время приведения приговора в исполнение присутствовали все. Эрик дернул плечом, когда Вероник направила его к двери, наградил сестру презрительной гримасой. Анри задержался, пропуская всех. Лишь оставшись в одиночестве, закатал рукав, глядя на текучий узор обручального браслета. Золото струилось внутри магических контуров подобно крови по венам.

Почему она до сих пор не поставила подпись?

1

– Кошмар! Кошмар!

Чтобы не перебудить полвагона, голос пришлось понизить до шепота. Ума не приложу, когда открылась дверь, и как пушистое чудовище умудрилось сбежать. Из коридора поезда тянуло прохладой, я поежилась и плотнее запахнула халат. Камеристка сладко спала, положив голову на обитую алым бархатом подушечку, которую нам выдал проводник. В отличие от моего, сон Мэри был крепок и нерушим, она вообще на удивление спокойно восприняла новость, что мы наконец-то переезжаем в Вэлею. Спокойно, если не сказать радостно. Должен же был хоть кто-то этому порадоваться.

– Кис-кис, – позвала я. – Лучше иди сюда… По-хорошему.

То ли угроза прозвучала неубедительно, то ли наоборот – слишком, но возвращаться ко мне не торопились. Я снова высунулась в коридор и, убедившись, что путь чист, наугад двинулась в сторону объекта, то есть сбежавшего кота. Перспектива шляться по вагону в полночной темноте не радовала, но еще меньше радовала перспектива остаться без кота, к которому я, честно говоря, прикипела всей душой. Особенно в отсутствие Луни, которого пришлось оставить в Энгерии: таскаться по миру с ручным зомби как-то неэтично.

– Кошмар!

Куда он мог деться?

Я дошла до конца вагона, когда мое внимание привлекла приоткрытая дверь последнего купе, за которой царила кромешная тьма. Приглушенные огоньки газовых светильников с ней справиться не могли.

Пустое? Или не только мы с Мэри забываем запираться на ночь?

Я прислушалась, но изнутри не доносилось ни звука. Тень от ручки дернулась, когда я медленно потянула дверь в сторону.

– Кошмар!

– Все так ужасно?

От неожиданности я запнулась о складку ковровой дорожки и полетела прямо под ноги шагнувшему из темноты мужчине. Очень некстати, потому что руки у него были заняты без малого тринадцатью фунтами серого сокровища. Поразительно, с какой скоростью отъедается хрупкий кошачий организм на свежем воздухе и морепродуктах.

– Зачем вы выкрали моего кота? – грозно спросила я, глядя снизу вверх.

Сложно оценить внешность мужчины, стоя перед ним на четвереньках. И все-таки я бы назвала его привлекательным: широкоплечий и смуглый, с правильными чертами лица. Натурщики портретистов эпохи Рассвета рыдали бы от зависти, топали мускулистыми ногами и рвали на себе туники.

Он приподнял брови.

– Его зовут Кошмар?

– Это была импровизация.

Мужчина ослепительно улыбнулся, отпустил кота и подал мне руку. Ладонь у него оказалась теплой, сухой, но, несмотря на силу, удивительно мягкой.

– Ивар Раджек.

И голос под стать внешности – низкий, звучный. Надежность и уверенность, не имеющие ничего общего с опасностью. Теперь, оказавшись с ним лицом к лицу, я могла рассмотреть его получше: густые темные брови, серо-голубые глаза, как у арнейских богов, волевой подбородок, нос с небольшой горбинкой. Прежде чем я успела опомниться, меня подтянули к груди. Дверь за спиной защелкнулась.

– Я буду кричать, – доверительно сообщила я.

– Звать маму, папу или лорда Фрая?

– А… это вы.

Про «ничего общего с опасностью» – это я погорячилась.

– Не могли бы вы сказать то же самое, только не так разочарованно?

Я уперлась ладонями нахалу в грудь и отстранилась. Когда месяц назад в Королевской службе безопасности мне вручили билеты, я пребывала в полной уверенности, что сразу же отправлюсь в Вэлею. В общем-то, не ошиблась, только вот билеты оказались не до Ольвижа и даже не до Лавуа, где обосновался муж, а на побережье, где нужно было снять дом и наслаждаться жизнью. Как ни странно, мне это даже уда-

лось – утром я отдыхала на пляже, днем читала, экспериментировала с зельями и тьмой, вечерами гуляла по небольшой, но красивой набережной и ужинала в ресторане, на террасе с видом на океан. Одна: как ни странно, в Вэлее это действительно было в порядке вещей.

Я обзавелась легким загаром, подобием уверенности в себе – вечера не проходило, чтобы джентльмены не оказывали мне знаков внимания, новым гардеробом от мадам Гренье, а еще временным иммунитетом к прошлому. То ли во всем был виноват соленый воздух и высокая влажность, то ли мое нежелание сойти с ума раньше преклонного возраста. Я почти не думала об Анри, а заодно и о той жизни, что мне предстояла в самом скором времени. Чувство было такое, словно старая я осталась в Энгерии. А новая изучала мир с любопытством ребенка.

Наверное, у меня просто не было другого выхода.

После отдыха и внушительных счетов на имя мужа предстояло сесть на поезд и отправиться в Ольвиж. По дороге на меня должен был выйти человек, который «сопроводит дальнейшими инструкциями и станет вас направлять». Мои скромные детективные способности подсказывали, что передо мной именно он, поэтому я устроилась на мягком диванчике, обитом узорчатой парчой и снабженным белоснежными подголовниками. Ивар зажег лампу, позволяя свету затопить купе: разумеется, оно уступало роскоши «Стрелы Загорья», но в целом смотрелось богато – обивка стен из темного

дерева, новые ковры и опускающиеся кремовые шторки на окнах.

Какое-то время мужчина смотрел на меня, после чего задал совсем нелогичный вопрос:

– Где лорд Фрай вас откопал?

– На кладбище дружбы.

Сестра герцога, которая долгое время носа не казала из родового замка. Жизни не знает, лжет только по вторникам, и то – когда иначе не получается, награждена непомерной гордостью и фамильной принципиальностью древнего рода Биго. В самом деле, кому может прийти в голову, что из меня выйдет шпионка? Кроме лорда Альберта Фрая, разумеется. Лучшего друга моего брата, как я когда-то наивно считала.

Ивар достал с полки для багажа портфель и устроился рядом со мной. Кошмар подозрительно взирал на нас с пола оранжевыми глазами, потом принялся вылизывать лапу.

– Остановитесь на рю де Руан, в гостинице «Ле Лантье д'Ольвиж». Это самый дорогой отель в столице.

В столице Вэлеи большинство именитых отелей с приставкой «Ольвиж». Видимо, с оригинальностью у вэлейцев туго.

– Снимете самой дорогой номер и будете ждать.

– Чего?

– Графа, разумеется. Можете по-прежнему не стеснять себя в выборе драгоценностей и нарядов.

– Это лишнее.

Когда мой багаж грузили в вагон, на меня косились даже

пассажиры первого класса. Судя по количеству сундуков, я разобрала дом, в котором жила, и увозила его с собой на память. Заодно прихватив половину набережной, террасу ресторана и закатное солнце. Раньше даже подумать не могла, что у меня будет такой гардероб. Впрочем, раньше я не могла представить, что усядусь в одном халате рядом с малознакомым мужчиной и не испытаю ни малейшей неловкости.

– Ваш отдых у океана уже должен был его заинтриговать.

Ну вот, а все так хорошо начиналось.

– Вы должны были что-то мне передать, – в голос вернулся привычный холод, от которого я уже успела отвыкнуть.

Сомневаюсь, что мужа способно что-то заинтриговать. Кроме его цели, разумеется: Симон Эльгер, герцог де ла Мер. Меценат, сильнейший маг современности, самый влиятельный аристократ континента, теневой кукловод. Возглавляет опасную организацию, пустившую корни по всему миру. Человек, из-за которого я здесь.

– Именно, – Ивар, похоже, ни капельки не смутился. Достал из портфеля запечатанный пузырек. – Первое. Универсальное противоядие. Нейтрализует двенадцать самых распространенных и сильнодействующих ядов, в том числе смесь из настойки наэла и зелье Катру.

Замечательно.

– Вряд ли оно мне понадобится.

– Берите.

Пузырек перекочевал в мою ладонь: внутри клубилась

темно-бирюзовая жидкость, напоминающая магические чернила, которыми наносят узоры боевых и защитных татуировок армалов. Но если говорят, что это универсальное противоядие… Я хмыкнула и убрала его в карман халата.

– Далее.

Еще один пузырек, на сей раз с уже знакомыми мне оранжевыми капсулами.

– Сводит на нет алкоголь, дурманящие зелья, курительные травы…

– Знаю, – сказала я, – нейтрализатор универсальный.

Несостоявшийся натурщик кивнул.

– Совершенно верно. А это устройство для мгновенной передачи информации.

В его руке возникла пирамидка с застывшим внутри домиком, напоминающая что-то среднее между сувениром из горного хрусталя и лацианского стекла. Ивар провел пальцами вдоль граней, и ее окутала оранжевая дымка. Донышко мягко опустилось вниз, зависло в воздухе. Оттуда выплыла тоненькая металлическая пластина.

– Шифрует голосовую информацию в магические символы и передает в настроенный приемник. На любые расстояния. Сделано под вас, никто другой им воспользоваться не сможет. Это – для прослушивания.

Он вручил мне серьги-капельки.

– Хм… и как оно работает?

– Очень просто. Подносите пластину к губам и говорите

то, что хотите передать. Для связи, когда я буду недоступен. Пробуйте.

Я подхватила пластинку, приятно холодящую пальцы, поднесла ко рту, чувствуя себя при этом на редкость глупо. Ну да ладно, все равно моего позора не увидит никто, кроме Ивара, а перед ним я сегодня уже ползала на коленях.

– Лорд Фрай – бессердечная скотина, – заявила я. Не то чтобы громко, но и не слишком тихо.

– Сейчас ночь, – напомнил Ивар. Он старался быть серьезным, но уголок его губ неумолимо пополз вверх. Обхватив себя руками, мой новый знакомый постукивал пальцами по предплечьям, а я невинно улыбнулась. Вставила пластинку внутрь пирамиды, донышко которой с мягким мерцанием захлопнулось. Не прошло и минуты, как верхушка ее засияла.

– Ответ пришел.

Я провела подушечками по граням, пластинка выскочила мне в ладонь. Надела серьги и услышала привычно-отстраненный голос Альберта: «Я тоже безмерно ценю вас, леди Тереза».

– Разобрались? Отлично. – Ивар извлек из портфеля белоснежный веер. – Использовать только в самом крайнем случае.

Прежде чем Кошмар успел опомниться, его уже подхватили и прицепили к обязательному для перевозки ошейнику медальон-подвеску. Вряд ли вырывающегося и возмущенно-

го таким обращением кота можно считать крайним случаем, но поскольку это делала не я, оставалось только наблюдать.

– Смотрите и запоминайте.

Ивар раскрыл веер и медленно, чтобы можно было отследить, начертил на поверхности воздушный узор активации. Первое время ничего не происходило, а потом на кружеве узора загорелась схема поезда и маленькая красная точка, которая дергалась в разные стороны – Кошмар бросался на дверь, требуя выпустить его на волю. Рядом мерцала синяя.

– Следящая магия. Красная – объект, синяя – вы, – веер вложили мне в руку. – Радиус действия невелик, максимум в пределах замка, района или большого парка.

Он распахнул дверь, и Кошмар пулей вылетел в коридор. «Объект» удалялся, и я стремительно поднялась. Вряд ли у меня сегодня получится выспаться, но, если есть возможность провести время со знакомым лорда Фрая или подальше от него, я предпочту второе. Несколько лишних часов в простом и привычном мире, где правда и ложь разбросаны по разным полюсам, а не сплетаются в неразличимую иссушенную временем паутину. Где я понятия не имела, чем может оказаться веер или сувенир на каминной полке.

– Увидимся в Ольвиже! – донеслось мне в спину, но я не обернулась.

Вряд ли у него найдется то, что мне действительно нужно.

Противоядие к чувству, которое по-прежнему жгло меня изнутри.

2

На улицах уже зажглись фонари, переливающийся огоньками окон и подсвеченных башенок «Ле Лантье» возвышался над соседними зданиями.

– Графиня, – портье почтительно склонил голову и распахнул передо мной двери. Я кивнула и прошла в холл. Величественный, оформленный в золоте и пастели, залитый светом. Многоярусная подвесная люстра, каждое звено которой выполнено из хрусталя. Центральная лестница не уступала той, что была в холле Мортенхэйма, неподалеку от массивной мраморной стойки застыли носильщики, пестрели наряды дам и фраки кавалеров. Представительный господин что-то объяснял спутнице в мехах и шелках, но та капризно дула губы и воротила нос. Стараясь не улыбаться, я быстро прошла мимо. Для меня это все еще было непривычно: в Энгерии женщины тише воды ниже травы.

Но в Энгерии все по-другому.

В Лигенбурге в это время погода стремительно портится, в Ольвиже за несколько дней даже не хмурилось ни разу. Небо оставалось безоблачным и пронзительно-синим – уже не таким высоким, как летом, но от этого не менее ярким. Листья желтели, но понемногу, неспешно. Бодрящая прохлада, заставляющая по утрам сильнее кутаться в одеяло, к полудню превращалась почти что в мягкое тепло, оглаживаю-

щее узкие улочки и широкие ладони площадей, многочисленные фонтаны, мосты и арки. А сколько здесь было красок!

Никогда раньше я не видела такого буйства цвета и столько самых разнообразных нарядов. В Энгерии так одеваются только на балы и праздники, но в вэлейской столице праздник был каждый день. Простые горожанки или знатные дамы – никакой разницы. Откровенные фасоны, яркие расцветки и никаких опущенных глаз. Я наблюдала за жизнью из окна номера или сидя на прогретой солнцем набережной Лане – чистой и светлой, больше пока никуда добраться не получилось. Да и не хотелось, если честно: с каждым днем, проведенным в Ольвиже, мне все больше становилось не по себе. Иногда накатывало нелепое чувство – все, что сейчас происходит, не со мной. Я живу взаймы, и когда жизнь попросит вернуть долг, отдавать его будет просто нечем.

А потом я вспоминала, зачем я здесь.

И не знала, чего страшусь больше: дня, когда Анри придет, или того, что он не придет никогда.

– Графиня, добрый вечер.

– Добрый вечер, месье Жуан.

Консьерж улыбался, даже когда улыбаться было некому. Седовласый, в строгом форменном костюме. Неизменно учтивый как с гостями, так и со своими подчиненными. За массивной стойкой из светлого дерева он выглядел невысоким, но от этого не менее представительным. Стран-

но, сколько всего я начала замечать. Потихоньку, когда никто не видит, потирающего ушибленный локоть джентльмена. Горничную, поправляющую стопку свежих газет на журнальном столике и цветы в напольных вазах. Худого носильщика, незаметно сутулящегося, потому что вчера пришлось таскать тяжести.

– Будьте так любезны, пусть ужин доставят в номер.

– Хорошо, мадам Феро.

Можно было спуститься в ресторан, но сегодня мне отчаянно хотелось одиночества. А еще доносящегося с улицы цокота копыт, шума колес, возбужденных веселых голосов – в Ольвиже жизнь кипела до глубокой ночи. И отражения фонарей в темно-синей ленте Лане: ее отлично видно с балкона моего номера. Да, придется накинуть на плечи шаль, ближе к вечеру немного похолодало. Но это небольшая цена за возможность остаться наедине с собой. Скоро у меня и ее не будет.

Номер располагался на верхнем этаже – великолепные апартаменты, в которых даже с детства привыкшей к роскоши мне нашлось чему удивиться. Например, огромной ванной, больше напоминающей небольшой бассейн. Дожидаясь ужина, можно будет устроиться там. Подложить под голову валик, добавить ароматических масел и забыть обо всем. Я поднималась по лестнице и представляла, как избавляюсь от платья, корсета и идиотских нижних юбок. Шла по коридору, мысленно зажигая свечи и курительницу. Стучала, по-

гружаясь в теплую воду под невесомым покрывалом пены. Когда дверь номера распахнулась, вид у меня был задумчивый и мечтательный.

Наверное.

Первые пять секунд.

Потому что открыть должна была Мэри, а не Анри.

Сердце пропустило удар. Захотелось развернуться и сбежать, но вместо этого я вздернула подбородок и шагнула в номер, словно в клетку со львом. Мой муж и был львом: мощным, золотоволосым, с хищным прищуром медовых глаз – зверь в обличии человека.

– Что ты здесь делаешь, Тереза?

– Что *вы* здесь делаете? В моем номере.

Я прошла мимо, стянула перчатки и бросила на оттоманку. Поправила прическу и замерла перед зеркалом в огромной позолоченной раме, стараясь не смотреть на Анри. Сердце билось как-то подозрительно тихо, даже не собиралось выскакивать из груди. Да и лицо оставалось на удивление спокойным, разве что в темных глазах застыло легкое недовольство – столько, сколько нужно, ни капелькой больше.

– Зашел навестить супругу, которая обещала сдать меня энгерийским властям, если не дам ей развод, но до сих пор не поставила подпись. – Он в несколько шагов оказался за моей спиной, и наши взгляды встретились в отражении. От воспоминания, как его руки скользили по тонкой сорочке – откровенно и бесстыдно, лаская, требуя, подчиняя, бросило

в жар. – Что ты забыла в Ольвиже?

Стужа в низком глухом голосе пришлась как нельзя кстати.

– Вас.

Я обернулась, положила руки Анри на грудь и подалась вперед:

– Испортить репутацию семьи разводом я успею всегда, а испортить вам жизнь хочется уже сейчас. Невыносимо.

Я почти касалась губами его губ – разум холодно подметил эту деталь, как нечто само собой разумеющееся. Сердце меня покинуло, ну или мне так казалось: я его не слышала, не чувствовала, и оно отвечало мне взаимностью.

– Еще больше? – Анри обнял меня за талию и рывком притянул к себе. Словно сдавил в тисках: ни вырваться, ни дышать толком. Я запрокинула голову, чтобы видеть его глаза. Поймала предназначавшуюся мне ярость, почувствовала крепче сжавшиеся на шелке пальцы. – Твое желание развестись почти вывело меня из игры. К счастью, Эльгер оказал мне услугу, все удалось свалить на него.

Мы так и стояли напротив зеркала: чужая я и настоящий он, истинный Анри Феро – человек, который идет напролом к цели и сметет любого, кому не повезло оказаться на его пути. Бархатная охра обоев за спиной мужа и картина в тяжелой позолоченной раме над моим плечом. Сумасшедшая, запредельная близость и запах лаванды. Во рту пересохло, как если бы я пару дней брела по намийской пустыне без

возможности напиться.

– Через неделю «Стрела Загорья» отправляется в Энгерию. Возвращайся домой.

Не предложил, приказал. По напряженным плечам, по сцепленным челюстям ясно, если не соглашусь – запихнет в сундук и отправит посылкой брату. Видно, я уже не вписываюсь в его планы, да еще и слишком много знаю. Вот только в Вэлее есть одно бесспорное преимущество: женщина здесь не бесправное безголосое нечто. Поэтому я облизнула пересохшие губы, легко уперлась ладонями ему в грудь.

– Даже не подумаю.

Анри хищно сощурился, сдавил мою талию похуже туго затянутого корсета.

– Да, это не самая сильная твоя сторона.

Не дожидаясь ответа, вздернул меня выше – так, что пришлось подняться на носки, шею обожгло его дыханием. В злом шепоте не осталось ни спокойствия, ни холода.

– Убирайся из Ольвижа, Тереза. Поверь, со мной лучше не ссориться.

– Со мной тоже, – заметила я и от души наступила на носок его идеального лакированного ботинка. Каблуком, с размаха. Магия смерти, магия смерти… ноги нам тоже не просто так выданы.

Знатно его перекосило: не то от боли, не то от ярости, не то от всего разом. Он зарычал, будто и вправду был львом, перехватил меня и потащил в комнаты. В гостиной я вце-

пилась в шикарное обитое бархатом кресло, но Анри дернул меня в сторону и пальцы обожгло резной спинкой. Рванувшись, попыталась расцарапать ему лицо, но он перехватил запястья. Пинком открыл дверь в спальню и швырнул на кровать с такой силой, что дыхание сорвалось. Пригвоздил к покрывалу потемневшим взглядом: руки сжаты в кулаки, губы – в тонкую линию.

– Не хочешь ехать поездом на следующей неделе, отправишься сегодня же в дилижансе. По дороге растрясешь свое упрямство. Мэри!

Из смежной комнаты высунулась перепуганная камеристка, ойкнула и закрыла рот ладонями, но Анри это не смутило.

– Помоги графине собрать вещи.

Кто сказал, что некромаги не могут кричать? Могут некромаги кричать! Похлеще чаек, сражающихся за кусок хлебушка или младенца, у которого десятый день колики. Я завопила так, что Мэри шарахнулась и чудом не снесла с комода старинный подсвечник, а заодно декоративное блюдо на подставке. Просторы апартаментов с радостью подхватили вопль и понесли по комнатам, швыряя о стены. Я набрала в грудь побольше воздуха, но Анри оказался проворнее и запечатал мне рот.

– Хочешь, чтобы сюда сбежался весь отель?

– Ифенно фак, – сказала я в ладонь и от души запустила в нее зубы. Он отдернул руку, в радужке сверкнул золотой

ободок, и желудок ухнул куда-то вниз. Я чуть не подавилась вдохом, невольно вжалась в покрывало, но все-таки закончила: – И чтобы все увидели, как вы обращаетесь с молодой женой.

– Мэри, кыш.

Под тяжелым злым взглядом камеристка бросилась в гардеробную: то ли прятаться, то ли исполнять приказ, Анри же на миг опустил веки. Сильные пальцы дрогнули на моих плечах, но, когда муж открыл глаза, они были нормального орехового цвета.

– Что мне сделать, чтобы ты убралась из Вэлеи?

– Положить меня в сундук и повесить табличку «Опасно: злой некромаг», – я с силой оттолкнула его, поднялась с кровати и оказалась с ним лицом к лицу. Точнее, лицом к груди, но это к делу не относится. – Я останусь в Ольвиже, граф. Попытаетесь мне мешать – получите скандал, от которого уже не отмоетесь. Герцог де ла Мер будет счастлив узнать, как рьяно вы выгоняете меня домой. Кем будете прикрываться тогда?

– Мешать чему, Тереза? – Анри прищурился, рассматривая меня так, словно видел впервые.

Демоны! И почему изо всех слов он прицепился именно к этому?

Я прикусила язык и отошла к окну.

За огромной стеклянной аркой, обрамленной двойными портьерами: передними – карминовыми и дальними – цвета

шоколада с молоком, раскинулся Ольвиж, затянутый в фиолетовую дымку поздних сумерек. Я смотрела на текущий по улице людской поток, а думала почему-то о платье, которое лежало в неразобранном сундуке. Может, потому что по цвету оно было близко к портьерам, а может, потому что могло понравиться Анри… Тому Анри, которого не существует. По ощущениям, в голове остановился бродячий цирк – звон, хихиканье и опилки. Действительно, что кроме опилок может быть в моей голове, если я сболтнула такое? Жаль, через ту пирамидку нельзя передавать происходящее в реальном времени. Хотела бы я сейчас посмотреть на лицо лорда Фрая!

– Мешать мне жить, как того хочу я.

Анри отражался в окне, а за его спиной – и вся спальня. Массивные абажуры на прикроватных тумбочках. Комод с декоративными бронзовыми статуэтками и тарелками. Панно с изображением дворца Альдеанн – летней резиденции вэлейского короля. Подвязанный балдахин над кроватью. Подушки и с некоторых пор слишком большое для меня одной ложе.

Я сложила руки на груди, повернулась.

– Не мешайте мне, граф. А я не стану мешать вам.

Анри повторил мой жест, взглядом впился в лицо.

– У тебя неделя, чтобы поставить подпись и уехать, Тереза. Задержишься – будешь наслаждаться жизнью в Лавуа. Живописная глушь, все как ты любишь.

Получилось. Поверил.

– Вы не посмеете, – тихо сказала я.

Напряжение отпускало, хотелось то ли плакать, то ли смеяться.

– Неужели? – он указал на браслет, полыхающий под тонкой кружевной перчаткой. – Ты все еще моя жена, если это не изменится в ближайшее время, пеняй на себя. Власть твоего брата не безгранична.

Анри развернулся и вышел. Негромко хлопнула дверь, стена перед глазами поползла вверх, я даже не сразу поняла, что сижу. Аккуратно, на краешке постели, чинно сложив руки на платье и глядя в одну точку. Правда, точка перемещалась туда-сюда, а следом за ней вся комната. Тогда я просто уткнулась в лицо руками и позволила себе дрожать – всем телом, до звучно стучащих зубов. Подбежавшая Мэри что-то спрашивала про отъезд, не обидел ли он меня. Нет, мы не уезжаем, да, все в порядке. Да, мне нужно помочь раздеться, нет, об ужине я уже справилась.

Дело осталось за малым: справиться с тем, что творится внутри.

Со временем станет проще. Обязательно.

Не может не стать.

3

Фасад королевской художественной галереи Вилль Д'Оруа украшали огромные часы, точная копия которых была и внутри. Под высокими сводчатыми потолками, над барельефом, между колоннами с лепниной. Кто-то мудрый сказал: когда в голове кавардак, а в душе творится непонятно что, наслаждайся искусством. Ну ладно, это я сама только что придумала. Лучше бы придумала, как объяснить Анри, что после его слов не сбежала первым же поездом в Энгерию или куда-нибудь еще. Я ломала над этим голову за ужином, в ванной и в постели, но из вариантов «Лавуа не страшнее, чем Мортенхэйм» и «Я без вас не могу» даже меньшее зло выбрать не получалось. В итоге проворочалась без сна, а утром вскочила, как только взошло солнце. Дурная, как получившая ускорение газетой оса, бродила по этажам и залам, разглядывая разношерстную публику, скульптуры на постаментах, античные вазы и картины, собранные за множество веков со всего мира.

– Любуетесь маркизой де Флери?

Перестала вздрагивать, когда ко мне подкрадываются со спины – уже хорошо. На самом деле просто остановилась, чтобы немного отдохнули гудящие ноги. Как оказалось, перед портретом темноволосой девушки. Черные как уголь брови – вразлет, такие же черные глаза с поволокой, смуг-

лая кожа и пухлые губы. Алый шелк обнимал ее плечи, стекая лифом на талию, чтобы подчеркнуть тонкий стан. Пальчиком она подпирала подбородок, а взгляд из-под ресниц – томный даже на холсте, мало напоминал взгляд юной особы. Франсуаз де Флери обладала уникальным голосом – таким сильным и звонким, которому может позавидовать даже Марата Харрьям, самая известная оперная дива. Дочь барона, в семнадцать лет стала любовницей вэлейского короля Филиппа VI, который не пожелал делить ее даже с законным мужем. Умерла она совсем молодой, якобы ее отравила соперница, которую спустя несколько месяцев казнили.

Ивар предложил мне руку.

– Пойдемте вниз. Вы же еле на ногах держитесь.

– И долго вы за мной ходите?

– Пару часов.

М-да. С наблюдательностью у меня по-прежнему туго.

Я взяла его под локоть, и мы вместе направились к дверям.

– Зачем вы здесь?

– Передать приглашение от моей тетушки.

Он достал из кармана сюртука конверт и вручил мне.

– Тетушки?

– Баронесса Элена де Рианон. Вы с ней познакомились на отдыхе, когда помогали выбраться из беспросветной тоски после безвременной кончины моего дядюшки.

В конверте оказались два билета в оперу Руале, на вечер пятницы. В ложу, безумно дорогие.

– Право, я даже не знаю, могу ли принять такой дорогой подарок.

– Пустое. Столь малая благодарность за ваше участие. – Ивар широко улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. Добавил, чуть понизив голос: – Пора представить вас Вэлее.

Ну разумеется.

Мы миновали портретный и несколько пейзажных залов, где меня особенно впечатлила одинокая женская фигурка на фоне бушующих морских волн и поразительный по контрасту сюжет: семья на пикнике в парке. Спустились по широкой лестнице в холл, залитый светом из огромных витражных окон, и мой спутник увлек меня в сторону буфета, больше похожего на ресторан. На входе стояла девушка в форменном черно-белом платье с квадратным декольте, задрапированным плотным кружевом, поверх которого устроилась камея. Она нашла свободные места и спросила, чего бы нам хотелось. Я не была голодна, поэтому попросила кофе, Ивар заказал коньяк и фрукты, за которые расплатился сразу.

Круглое витражное окно располосовало дневной свет на теплые и холодные тона, столики по центру и вдоль стены купались в золоте, справа и слева застыли под светло-голубым льдом. А мне внезапно вспомнился витраж под лестницей – в маленьком, но поразительно светлом доме в Лигенбурге. Короткое, отчаянно яркое воспоминание, которое со временем потускнеет как цветное стекло под копотью после

пожара.

Раджек рассматривал меня, а я его. Если бы не легкая щетина, выглядел бы совсем молодым. Ростом с меня, руки сильные, крепкие. Тонкая линия губ, придающая лицу уверенности и силы. Глаза студеные, но взгляд мягкий.

– Франсуаз была не только известной куртизанкой. – Ивар первым нарушил молчание. – Она работала на Филиппа. С ее помощью был раскрыт заговор, зачинщикам предъявили обвинение в государственной измене.

Я улыбнулась:

– Она работала не только при дворе. Задания в Маэлонии, Луанской империи – когда Загорье и Намийя еще не были самостоятельными державами. Ее действительно пытались отравить, вот только не Диана Хартье, как было представлено, а иньфайский дипломат, двойной агент, которому она попортила много крови. Кстати, вместо мадам Хартье казнили девицу, долгое время передававшую секретную информацию в Маэлонию. А Франсуаз Филипп неоднократно навещал на Южном берегу, где она жила под другим именем.

Уголки его рта дрогнули.

– Мемуары Филиппа VI? – Ивар накрыл мою руку ладонью.

– «История Огненного цветка, или откровения маркизы де Флери», – я ее не отняла. – Что вы сейчас делаете?

– Ухаживаю за вами, – он пригубил коньяк, указал в сторону соседнего столика, где расположилась видная пара. –

Маркиз де Нуаре с любовницей. Занятная пара, обратите на них внимание.

– И что же в них интересного?

– Дама дружна с кузиной его величества, Евгенией Венуа, графиней д'Ортен.

Ивар подвинул ко мне чашку, и я сделала несколько глотков. Все-таки ко вкусу кофе достаточно сложно привыкнуть, но если уже привыкла, на завтрак без него не обойтись. На этой мысли неожиданно перехватило дыхание, к горлу подкатил ком. В зале стало слишком душно. Маркиз де Нуаре с любовницей-дружной-с-кузиной-его-величества поплыли в сторону, а вместе с ними витражное окно, отполированные мраморные полы, белоснежная скатерть, и все остальные посетители. Меня повело вперед, я ухватилась за край стола. Лицо Ивара расплывалось перед глазами.

– Никогда не отворачивайтесь от еды рядом с человеком, которому не можете доверять.

Он подвинул ко мне стакан с водой и вложил в ладонь таблетку-нейтрализатор.

Ха!

Как сказала бы Луиза, нет ничего проще.

Особенно когда мир отплясывает кантрель.

Зубы звучно клацнули о бокал, я вернула его на место, чудом не расплескав воду. Минут пять прошло, прежде чем зал перестал дергаться, а воздух – напоминать разогретую патоку. На лбу выступил холодный пот, да и в целом я чув-

ствовала себя так, словно искупалась в речке. Только верхнее платье почему-то осталось сухим.

– Возьмите, – Ивар протянул мне платок.

– Очень мило с вашей стороны, – огрызнулась я. Но платок все-таки взяла. Не хотелось быть похожей на моченую лягушку, потому что глаза по ощущениям сейчас выпучены от злости. Ладно, будем честны, злиться на кого-то кроме себя, сейчас не имеет смысла. Да на себя в общем-то тоже, все равно дело уже сделано.

– В следующий раз это может быть не концентрированный дурманящий порошок, а что-нибудь более серьезное. Например, парализующее зелье, после которого вы не сможете воспользоваться даже противоядием.

– А просто сказать об этом было нельзя?

– Так быстрее доходит. И запоминается лучше, согласитесь?

Запоминается, однозначно. Методы драконовские, почерк узнаваем.

Я убрала руки под стол, скомкала платок.

– Это вас Фрай надоумил?

Ивар внимательно посмотрел мне в глаза.

– Тереза, я отвечаю за вас головой.

Заранее жаль вашу голову.

Я незаметно раскрыла ридикюль и, придерживая платок за краешек, щедро полила его зельем собственного изобретения. Надо же мне было чем-то заняться, помимо прогулок

по набережной и светского безделья. Эксперименты с глубинной тьмой надоели еще в первые пару недель, а основа для снотворного обнаружилась в «Забытых рецептах». Попадая на кожу, впитывается и усыпляет мгновенно: весский порошок, ульские черные ягоды и иньфайское масло из корня дерева ноэ, разжижающий и поглощающий запах настой. Последнее добавила, потому что жирные руки – это отвратительно, а от запаха масла начинала чихать. Пяти капель хватает для глубокого спокойного сна на всю ночь. Ну а что? Должна же я была как-то бороться с кошмарами.

– Почему вы вообще согласились?

Если честно, я не собиралась об этом разговаривать. Ни с кем, даже с самой собой, но передо мной сидел единственный человек, который задал этот вопрос так, что захотелось ответить. То ли причиной был искренний интерес в его голосе, то ли остатки дурманящего настоя, который не вывел нейтрализатор. А может быть, и то, и другое вместе.

– Жену брата пытались убить, а его самого – подставить, используя смертельное заклятие. И это случится снова, если он случайно перейдет дорогу с неугодной Эльгеру идеей. Моя сестра пострадала от ментальной магии, а для меня самой единственная возможность спокойной жизни – за каменными стенами Мортенхэйма. Все еще хотите знать, почему я на это согласилась?

Я положила платок на стол, подвинула к нему.

– Надеюсь, ваша тетушка чувствует себя отлично. Переда-

вайте ей мое глубочайшее расположение и благодарность за столь трогательный подарок. А теперь будьте так любезны…

Ивар поднялся, отодвинул мне стул и подал руку. Расправил платок, убрал его в карман и пошатнулся. Ухватился за спинку стула и медленно опустился на него. Судя по расфокусированному взгляду и побочным действиям, описанным в оригинальной рецептуре, меня стало несколько. Странно. Со мной такого ни разу не было, но на ульские ягоды все поразному реагируют.

– Что это? – хрипло спросил он, дрожащими руками пытаясь добраться до внутреннего кармана пиджака. Но я, разумеется, их перехватила и прижала к груди.

– Капельки «Доброй ночи».

Глаза у него закатились, поэтому пришлось наклониться к самому уху.

– До встречи в опере.

Я отпустила его и направилась к выходу. Услышала за спиной глухой удар, обернулась. Ивар крепко спал, уткнувшись лицом в скатерть.

– Это все коньяк, – растерянно и немного смущенно пояснила побелевшей служащей.

И вышла из буфета.

4

Стоило шагнуть под своды оперы Руале, как на меня обрушились сотни взглядов. Я прикрыла глаза, сосчитала до десяти и нацепила на лицо милую улыбку. По крайней мере, очень хотелось надеяться – эту улыбку я тренировала перед зеркалом, и кажется, она даже начала у меня получаться. Снаружи здание чем-то напоминало Королевский театр в Лигенбурге: массивные колонны подпирали балкон, на балюстраде которого застыли скульптуры в человеческий рост. Не хватало только памятника королю Витэйру поблизости, да еще лестницы. Сначала я подумала, что ее тут вообще нет: несколько невысоких ступенек опоясывали оперу со всех сторон, отчего возникало ощущение, что здание возвели на огромном постаменте.

Попасть в фойе можно было через любой из парадных входов, и людские реки текли в распахнутые настежь двери. Плещущий из них свет вспарывал осенние сумерки, легко затмевал бессильные огни фонарей, один за другим подъезжали экипажи. От обилия лиц, голосов и запахов затошнило, перед глазами помутилось. Благо, рядом со мной были «тетушка» и «племянник», который подхватил меня под руку, позволяя опереться и выровнять дыхание.

– Все в порядке? – спросил еле слышно. – Выглядите так, будто увидели призрака.

Есть здесь парочка. Но они меня не пугают.

– Все замечательно.

Не рассказывать же, что со мной может случиться припадок, если толпа обступит слишком плотно. Тем более что я и так слишком много ему рассказала. Надо отдать должное, Ивар ни словом, ни взглядом не обмолвился о том, что произошло в буфете. Мужчина, который умеет достойно проигрывать, уже достоин восхищения, но мне как-то не восхищалось. Разве что самую капельку.

– О, милая, – наконец, подала голос баронесса. – Пойдемте, представлю вас маркизе де Нуаре и ее супругу.

– Маркизе и… ее супругу? – я приподняла брови.

Ивар улыбнулся. Во фраке он выглядел еще более ослепительным.

– Для Вэлеи это нормально.

Нормально, так нормально. А потом у маркизов любовницы заводятся.

Баронесса кивнула, и мы последовали за ней. Невысокая, с ямочками на пухлых щеках и собранными в высокую прическу буклями она являла собой идеал доброй тетушки, вокруг которой, как пчелы у цветов, должны виться малолетние племянники. Мне было искренне интересно – знает ли она о том, что происходит, и действительно ли Ивар ее родственник, но задавать такие вопросы было неэтично, поэтому я решила подождать до лучших времен. То есть, до минуты, когда мы с ним останемся наедине. Насколько я поня-

ла, в Вэлее и такое не возбранялось, да что говорить – жена могла спокойно посещать приемы и любые общественные места даже в отсутствие мужа. В Энгерии я не смогла бы и носа высунуть без Анри, а уж тем более заявиться в театр. Здесь второй билет просто остался на столике в номере, как дань вежливости.

Гм… а у меня осталось три дня, чтобы что-нибудь сочинить.

Меня представляли, представляли и представляли. Имена и титулы, титулы и имена. Как я потом буду разбирать эту кучу – не представляю. Большинство взглядов – заинтересованные, любопытные: высший свет что в Энгерии, что в Лигенбурге одинаков. К счастью, времени до начала первого акта осталось не так много, и по широкой мраморной лестнице мы поднялись в ложу. Не такую роскошную, как бенуары, но достаточно уютную, с четырьмя креслами. Одно место пустовало.

– Нравится? – негромко спросил Ивар.

Как ни странно, мне нравилось.

Возможность отвлечься, не думать о том, что мне предстоит. А заодно о том, как бы все поизящнее провернуть. Не ногу же ломать, честное слово. Сращивать потом дико больно, даже целительской магией. Да и вообще, мне мои конечности дороги. Ничего, музыка вдохновляет. Может, меня по ходу действия осенит гениальной идеей.

– Очень.

– Вы уже слышали «Падение»?

– Скажем так, я о нем слышала.

«Падение» Луазо Арощи посвящено одному из самых знаковых событий – крушению империи армалов, зыбким временам, предшествующим началу новой эпохи. Разумеется, в опере все приукрашено, а события показаны через историю любви мага и девушки из рода с угасшей силой.

– Только слышали? – Ивар приподнял брови.

– Я не очень-то жалую выходы в свет. Мне вполне хватало книг.

Он посмотрел на меня недоверчиво, но продолжать не стал, тем более что занавес поднялся. История армалов началась в Арнее – древнем государстве, жители которого по легендам, были потомками изначальных богов. В те времена, когда магия была подвластна всем, они взрастили свою империю – объединенное государство, которое росло и ширилось с каждым годом почти без войн. Новые земли, новые города вливались в ее состав по собственной воле, а все попытки их сокрушить заканчивались поражением. Но как всегда бывает, великое рушится изнутри. Все началось с раскола в правящей династии, а привело к тому, что пролилась кровь. Тысячи смертей сильных магов, в том числе и правителей, привели к необратимым изменениям в мире. Материк сотрясали катастрофы, по нему прокатились страшные болезни.

На фоне этих событий разворачивалась трагедия. Маг,

влюбившийся в женщину из ослабевшего рода, не имеет возможности быть с ней. Особенно когда мир жестоко отвергает всех, кто лишен силы и не может ничего сделать для возрождения великой империи. Он выбирает себе невесту из равной семьи, а от возлюбленной отказывается, понимая, что ее жизнь рядом с ним превратится в ад.

Голос у певицы был сильный и пронзительный.

А сама она – хрупкая как осенняя ветка, в струящихся волнах белоснежной тоги.

Когда началась ее ария, зал просто замер. Если до этого я ловила в соседних ложах движение, сейчас все взгляды были устремлены только на сцену. И пение, усиленное архитектурной акустикой, неслось по залу. Отчаяние, боль, неверие и прощение – запертые в маленькой женщине – и освобожденные через набирающую силу страсть. Дамы прикладывали к лицу платочки, мужчины хмурились.

Лицо певицы блестело от слез, а я прикрыла глаза и слегка надавила на веки.

Просто потому, что немного утомилась, ничего кроме.

В антракт люди вытекали оглушенные, взбудораженные, притихшие. Минут через десять все придут в себя и начнут обсуждать увиденное, а пока…

– Немного отличается от книг, согласитесь?

Я кивнула.

Ивар проводил тетушку к выходу и вернулся ко мне.

Зал стремительно пустел, мы остались одни. Отрезанные от остального мира освобожденным из шнуров тяжелым бархатом портьер. Я подняла глаза, рассматривая висящую под потолком люстру: три огромных кольца, книзу сужающиеся в диаметре. Никаких свечей, подвесок и хрусталя, но окружающее ее мерцание и переплетенные завитки светящихся белым золотом лент с лихвой компенсировали простоту. Необычно. И интересно: даже не представляла, что где-то еще используют магию для освещения. Особенно настолько сильную.

– Подарок Симона Эльгера. Вэлее, его величеству и простым смертным, – Ивар проследил мой взгляд.

О.

Присмотревшись, я поняла, что источник замкнут в самих кольцах. Золото будто раскалялось изнутри и рассыпало вокруг яркий свет.

– И роспись тоже.

Под куполом, в обрамлении позолоты орнамента, растянулись красочные берега легендарной Арнеи. Я поднесла к глазам бинокль – сквозь омывающий их прибой проступала надпись: «В мире всегда есть место магии».

– Хотите пройтись?

– С удовольствием.

Удовольствие закончилось, стоило Ивару отодвинуть портьеры. Мимо ложи шел Анри, а под руку с ним – сошедшая с небес светлая. Женщина, в которой было идеально все: от

изящного овала лица, до тонкого стана, затянутого в голубой шелк. От движений – неторопливых, плавных, до королевской осанки. От белокурых волос, собранных в высокую прическу до чувственного небольшого рта. Я попятилась было назад, но как назло на пути возникла широкая грудь и все к ней прилагающееся Ивара. Будь у меня на затылке глаза, конфуза можно было бы избежать, но сейчас я буквально влетела в его руки, а он инстинктивно подхватил меня за талию.

Всевидящий-пожалуйста-пусть-они-пройдут-ми…

В другой раз.

Анри повернулся медленно, будто что-то притянуло его взгляд. «Что-то» в данный момент замерло в объятиях племянника баронессы де Рианон, с гулко ухающим сердце. Замер и муж, рассматривая меня от подола платья – темно-охряного – до макушки. Недобро прищурился, но затем маска безразличия стерла с его лица все чувства. Он склонился к хрупкой девице, что-то сказал, и они вместе направились в нашу сторону. К тому моменту я уже выпуталась из кольца рук, эффекта неожиданности и власти обманчиво-теплых супружеских глаз, поэтому была готова к встрече даже с Верховным демоном преисподней.

Наверное.

– Не ожидал вас здесь встретить, графиня, – прохладная вежливость и наносное удивление. Его рука опалила мои пальцы даже через перчатку.

Взаимно.

У светловолосой оказались огромные голубые глаза и очаровательные ямочки на щеках. А еще грудь, которой могла позавидовать даже Луиза – пышная, но в меру. Ровно настолько, чтобы все мужские взгляды тонули в упругом декольте. Мне запомнился интерес Анри к нашим недовыданным белокурым леди, но с тем же успехом можно было сравнивать кукурузные початки и тонкую иву. Вместо девичьего смущения и неловких улыбок – зрелая женственность и сочная красота. Зрелая, да не перезрелая, как у Камиллы Уитмор. А может, у этой красоты ноги кривые?

– Сама не ожидала себя здесь встретить. Вы же знаете, я не переношу толпы…

Толпу может и не переношу, а вот что я несу сейчас?

Изумление, мелькнувшее в глазах Анри на краткий, едва уловимый миг, тут же снова сменилось холодом. Не знаю, опера помогла или воспоминания о нашей последней ночи в подвале Мортенхэйма, но тут меня действительно осенило. Не позволяя мужу вставить хотя бы слово, я окинула его эскор…тессу немного расфокусированным взглядом.

– Представите меня вашей очаровательной спутнице? А это месье Раджек, племянник баронессы де Рианон… Неплохой малый, когда не пьет коньяк. Ох!

Я раскрыла веер и принялась усиленно им обмахиваться.

– Простите пожалуйста, – прошептала, приложив руку к груди и старательно краснея – тут даже притворяться не при-

шлось, – сама не знаю, что говорю. Просто вся эта ситуация с разводом… для леди моего положения это чересчур.

– Евгения Венуа, графиня д'Ортен, – в сторону Ивара Анри даже не взглянул. – Моя супруга, Тереза Феро, графиня де Ларне.

Если бы голосом можно было рубить мрамор, пол под нами уже разделился бы надвое, а случайные зрители щедро посыпались вниз, как горох сквозь прореху в мешке. Зрителей, кстати сказать, становилось все больше. Конечно, остановиться и откровенно глазеть на нас не могли, поэтому приходилось замедлять шаг, поправлять прическу, любоваться барельефом – у кого на что хватало фантазии. Все-таки не каждый день встречаешь графа, его жену, пусть даже почти-уже-не – как она только что заявила, и любовницу в опере. Маркиз де Нуаре вон свою не привел, скучный он человек.

– Приятно познакомиться, мадам Феро.

Графиня улыбнулась, голос ее звучал как колокольчики в ночи. Такие, размером с чайную чашку металлические бубенцы.

– Взаимно, мадам Венуа.

В глубине учтивой невозмутимости полыхнула насмешка. Евгения смотрела не сквозь меня, как могло показаться. Она смотрела насквозь.

– Прошу прощения, графиня. Я провожу вас, – Анри обращался к ней, но смотрел на меня. Если взгляд может за-

хлопнуться на горле капканом, то именно это сейчас и произошло. – Мне нужно поговорить с супругой. Когда я вернусь, вам лучше быть на этом самом месте, миледи.

– Граф…

Евгения хотела возразить, но Анри уже повел ее прочь. Разочарованные таким поворотом событий дамы и господа начали расходиться. Зашуршали платья, зашумели голоса – кто-то обсуждал «Падение», кто-то внутреннее убранство оперы Руале. Поклясться могу, многие были бы рады остаться здесь до возвращения моего мужа и понаблюдать, чем дело кончится, но мне было не до них. Вместо трех дней остались считанные минуты. Пять? Десять?.. Чтобы заставить поверить Анри в то, во что я сама не верю. Все мое существо отчаянно противилось даже мысли о поездке в Лавуа, не говоря уже об обжигающих, сводящих с ума прикосновениях.

– Тереза, что вы только что устроили? – яростный шепот Ивара настиг меня в самый подходящий момент. Я обернулась и вцепилась в его локоть мертвой хваткой.

– Мне нужна ваша помощь! И коньяк.

5

Самая лучшая часть любого плана – импровизация. В этом я убедилась, щедро ополоснув рот коньяком в оперной туалетной. К счастью, удалось улучить минутку, когда обитель роскоши в светло-сиреневых тонах, с зеркалами в золоте и широкими рукомойниками, некоторые дамы уже покинули, а прочие еще не зашли. Все-таки от лорда Фрая тоже есть польза, читай крепкая рука джентльмена, на которую можно опереться, и имя ей – Ивар Раджек. Он не задавал лишних вопросов, не учил уму-разуму, просто принес все, что требовалось. Не знаю, где, но он раздобыл серебряную флягу, которая перекочевала в ридикюль. Наполненная наполовину. Разглядывая себя в зеркале, я пришла к выводу, что выгляжу достаточно нетрезвой: глаза лихорадочно сверкают, даже руки слегка дрожат. Последнее от напряжения, но кому какая разница. Вряд ли можно отличить алкогольную тряску рук от безалкогольной.

По пути назад мне попадались лица знакомые и не очень. Я ловила заинтересованные взгляды: до большинства уже добралась новость, что граф де Ларне появился под руку с графиней д'Ортен. На лестнице мы обменялись улыбками с женой известного делового человека – что интересно, в Вэ-лее расположение к богатым людям, не отмеченным титулом, было обычным делом. В большинстве случаев снисхо-

дительное, с высоты своего положения, но все равно не идущее ни в какое сравнение с холодным отчуждением энгерийцев.

Когда мы с ней поравнялись, она едва уловимо наклонилась ко мне и прошептала:

– Он вас недостоин.

К сожалению, ответ: «Еще бы», – был стратегически неверным, поэтому я просто потупила взор и прерывисто вздохнула. Прерывисто – потому что чем ближе становилась ложа и встреча с Анри, тем больше мне не хватало воздуха.

Муж уже вернулся и стоял рядом с Иваром. Обманчиво спокойный, лишь взгляд полыхнул золотом при моем появлении. Анри всегда прекрасно владел собой, но мой побег ему не понравился. Стоило подойти ближе, подал мне руку: мягко, словно кот вытянул лапу. Как будто я не знала, что при случае он способен выпустить когти. А чтобы больше не сбежала, еще и переплел наши пальцы. Я едва удержалась, чтобы не отдернуть ладонь, настолько привычным и забытым был этот жест.

– Сегодня вам уже не придется сопровождать графиню, месье Раджек, – вежливая улыбка мужа не могла отменить прохладного тона. Ивару вежливо предлагали забыть обо мне и больше никогда не вспоминать. – Своей супругой я займусь сам.

Только мне показалось, что это прозвучало зловеще?

– При всем уважении, это решать не вам, граф, – мягко,

но решительно отозвался Ивар. – Леди Тереза?

Вообще-то ни о чем подобном я его не просила, но сейчас почему-то стало тепло.

– Я к вам обязательно вернусь, – одними губами ответила я, – еще до третьего звонка, обещаю.

После чего вскинула голову и с вызовом посмотрела на мужа.

– Я бы не стал на это надеяться, – бросил Анри через плечо, увлекая меня подальше от публики. Мимо мраморных статуй и изящных подсвечников. Остановился только чтобы отодвинуть тяжелую штору и быстро втолкнуть в нишу. На людях он улыбался, но сейчас прожигал меня взглядом. Шагнул так близко, что пришлось задирать голову, поморщился – видимо, коньяк сыграл свою роль. В полумраке, разрываемом только тоненькой полоской света, льющегося из-за неплотно задернутой портьеры, я отчетливо видела яростно бьющуюся на его виске жилку.

– Вы в самом деле пьяны.

– Да как вы смеете!

Я пошатнулась, промахнулась пощечиной и чудом не влепила ее бюсту Антуана Руале – известного вэлейского архитектора, гипсовому двойнику которого предстояло стать свидетелем моего позора. Оперлась о стену, искренне надеясь, что не переигрываю. Мои познания о любителях приложиться к бутылке были не то чтобы обширны, вряд ли по трем с половиной извозчикам и уволенному отцом конюху можно

делать какие-то выводы.

– И давно? – негромко, но от его голоса по телу прошла ледяная волна.

– Что именно? – Я вздернула подбородок.

– Давно вы пьете?

– К вашему сведению, – пришлось расправить плечи, якобы стараясь держаться прямо, – я просто немного расслабилась.

Он навис надо мной, прикоснулся горячими пальцами к подбородку – крепко, не отвернуться, и пристально всматривался в лицо. От запаха лаванды и легкой шоколадной горчинки, от собственных воспоминаний голова закружилась по-настоящему, но я плывущим взглядом смотрела мужу в переносицу. Незаметно раскрыла ридикюль, осторожно рассматривая Анри: подозрительность, неверие, гнев, сожаление и, наконец, разочарование. Этого и добивалась, вот только сейчас в сердце как будто нож всадили. С другой стороны, если бы я сама видела то, что пыталась изобразить, в лучшем случае брезгливо отошла бы в сторонку.

– Похоже, разговор придется отложить, – негромко произнес он и крепко взял меня за локоть. – Сейчас вы отправитесь в отель, а завтра мы поговорим.

Я рванулась и резко шагнула вперед. Ридикюль перевернулся, фляга с глухим стуком свалилась к ногам.

– Немного расслабились, говорите? – Анри приподнял бровь, и не позволив мне наклониться следом за ней, крепко

перехватил за талию. Не вырваться без риска остаться без куска платья. Его голос дрожал от ярости, пальцы впились в корсет, и я отвела взгляд. К счастью, даже притворяться не пришлось – кровь прилила к щекам, пульс гулко ухал, точно я пробежала всю рю де Руан: от моста святого Альена до парка Лемуа. Положение спас звонок, мелодичным эхом разнесшийся по фойе, лестницам и коридорам, прокатившийся по мраморным полам и колоннам, отразившийся от высоких сводчатых потолков. Это напомнило о том, где я нахожусь, а главное – зачем.

– Отпустите! – Прозвучало хрипло. – Вы не имеете на меня никаких прав. И не имеете права указывать мне, что делать.

Анри рассмеялся, прижал меня к себе, потянул за волосы, заставляя запрокинуть голову. Словно боролся с желанием сломать мне шею… или поцеловать. Его губы почти коснулись мочки уха, кожу согрело дыханием. Немало времени прошло, но разгоравшееся в глубине глаз золотое пламя словно до сих пор бежало по моим венам, выжигая изнутри.

– Пока ты не развелась со мной, Тереза, я все еще твой муж. И могу делать с тобой все, что захочу.

Не то откровенное безразличие в голосе, не то злая насмешка. Даже если бы он в самом деле нашел меня под кустом, в том самом состоянии, когда невозможно вспомнить собственное имя, наверное, я бы и тогда протрезвела. Второй звонок перекрыл шум голосов, по ту сторону портьер

доносились шаги и шуршание платьев. Публика оживилась, все торопились вернуться на места.

– Графиня д'Ортен будет против, – даже не стала сдерживать звенящую в голосе злость. – А если вы испортите мне прическу, я вас убью.

Упершись ладонями мужу в грудь, я подалась назад. Анри неожиданно резко меня отпустил, секундное замешательство позволило быстро нырнуть за штору. Вот теперь я почти бежала – подальше от этой ниши, подальше от кольца его рук и от невыносимой дурманящей близости. Успела как раз к третьему звонку – Ивар сидел в ложе нарочито-расслабленный, вполоборота ко входу. Заметив меня, окинул встревоженным взглядом, но я беспечно улыбнулась и без сил рухнула в кресло – между ним и баронессой.

Он смотрел на меня, а я на сцену. Занавес поднялся, зал замер, хотя многие наверняка знали, что будет дальше. Девушке не прощают связь с сильным магом, общество преследует ее, а возглавляют травлю родственники невесты. Она бежит из города, чтобы уберечь семью от гонений, а он безуспешно уверяет себя в том, что поступил правильно. До тех пор, пока ему не приходит весть о ее смерти.

– Все в порядке?

Ивар наклонился ко мне до непристойности близко. Рука его легко лежала на подлокотнике, но пальцы неслышно отбивали какой-то ритм.

– Все замечательно.

– Тогда что у вас с лицом?

В дамской комнате у меня с лицом все было нормально. Хотя может статься, после разговора с Анри перекосило от избытка чувств. Не каждый день встречаешь мужа с его с любовницей в опере, а заодно признаешься ему в том, что пристрастилась к выпивке. Для леди моего положения такое – страшный позор, если не сказать больше. А еще меня наизнанку выворачивало ото лжи. Надо привыкать, скоро она станет частью моей сути. По крайней мере, на ближайшие месяцы.

– Тереза, – негромко, но почему-то удивительно мягко.

Ивар коснулся моей руки – едва уловимо, кончики пальцев за кончики пальцев, без напора или настойчивости.

– Что? – все-таки обернувшись, рыкнула я.

Зрачки его едва уловимо расширились, недоверие сменилось удивлением, а затем и непониманием.

– Вы в него влюблены.

Он не спрашивал, но я все равно ответила:

– Нет.

Сказала, как отрезала, и снова уставилась на сцену: в зале по-прежнему царила напряженная грусть, но я больше не была ее частью. Ничего не изменилось, просто ушел настрой. Сложно окунуться в выдуманный мир, когда реальный обрушивается на плечи всей своей тяжестью. Сложно проникнуться чужой трагедией, когда тебя саму рвет на тряпочки. Хотя если так подумать, она тоже была влюблена, и ничем

хорошим это не кончилось.

– Вы расскажете мне, что задумали?

– Нет.

Он замолчал, а я старалась не рассматривать ложи, в которых темный бархат мешался с позолотой. Приходилось себя одергивать, потому что нет-нет, но взгляд нырял в зал, скользил по лицам в тщетной попытке разглядеть мужа. А потом я вспоминала, что он не один, и радовалась, что мне это не удалось.

Весть о смерти героини оказалась ложной – ее подтасовал брат невесты, но герой, разумеется, ничего не проверил, отказался от своего рода и предстоящей женитьбы, уехал далеко-далеко и всеми силами искал смерти. Когда до нее дошли слухи о его бесстрашии, граничащем с безрассудством, она отправилась за ним, и всякий раз не успевала самую капельку. Его магия целителя в эти страшные времена была бесценна, он постоянно находился в местах катастроф или в самой гуще разгорающихся болезней. Однажды оказался в городе, который невероятное по силе землетрясение разрушило до последнего камня. Там она его и нашла – за несколько часов до того, как город полностью ушел под землю со всеми выжившими.

Влажность на совместной арии в зале ощутимо повысилась, я же сидела с каменным лицом.

До тех пор, пока Ивар не накрыл мою руку своей.

– Вы можете на меня рассчитывать, – просто сказал он.

– Ну разумеется. Вы же не можете отказать лорду Фраю.

– Хотел бы я посмотреть на того, кто может ему отказать.

Спустя миг у меня на глазах все-таки выступили слезы. Я чувствовала себя на редкость по-идиотски, давилась смехом на одной из самых проникновенных трагедий, но остановиться не могла. Радовало одно: меня все-таки отпустило. Отпустило не полностью, но я даже позволила себе натурально всхлипнуть и принять из его рук платок.

– Надеюсь, если я вытру глаза, мне не понадобится противоядие?

Он нахмурился, но уголки губ задрожали.

– Я оставлю этот трюк вам. Так что вы хотите сделать?

Герои отмучились, и зал взорвался шквалом аплодисментов.

Я самую капельку подалась вперед и прошептала так, чтобы слышал только Ивар:

– То, что должна была сделать сразу. Развестись.

6

Вырваться из оперного театра после представления не проще, чем из переполненного вагона третьего класса. Пестрый людской поток тек бесконечной рекой. Перед глазами мутилось, но к счастью, рядом был Ивар. Он держал крепко, не сказать даже, что держал – скорее, поддерживал. Я же смотрела исключительно под ноги и надеялась только на то, что больше не увижу Анри. По крайней мере, сегодня. Миновав залитые светом лестницы, мы уже направлялись к выходу, когда к нам подскочил капельдинер в форменном темно-красном сюртуке с черными манжетами.

– Мадам Феро, прошу прощения. Вам письмо от графини д'Ортен.

Я приняла из затянутой в белоснежную перчатку руки бледно-голубой конверт. Благоухал он тонким ароматов цветов, точно мы разом перенеслись на весенние горные луга. Если честно, не представляю, как пахнут горные луга весной, но по ощущениям приблизительно так. На природе все окрестные шмели были бы моими, а заодно пчелы и осы.

Я поблагодарила кивком головы и спрятала конверт в ридикюль.

– Не хотите прочесть?

– Не здесь.

Стоило оказаться на улице, вздохнула с облегчением и за-

прокинула голову. Яркий свет, льющийся из окон оперы Руале, не позволял увидеть звезды, небо над нами было темнее самых черных чернил. Поданный экипаж остановился прямо напротив входа, Ивар помог баронессе взойти на подножку, а после обернулся ко мне. Я представила, как бодро трясусь по мощеным ольвижским улицам, беседуя на светские темы, потом поднимаюсь в номер, чтобы предаться воспоминаниям о случившемся, и мне поплохело. Слегка.

– Я лучше пройдусь.

– Одна? По улицам Ольвижа? В такое время?

– Тут недалеко.

Ивар покачал головой, будто всерьез сомневался в моих умственных способностях.

– Тетушка, вы не возражаете, если я провожу графиню де Ларне?

– Разумеется, нет, – она помахала мне и расплылась в улыбке, – буду рада снова свидеться, милая.

Я выдавила ответную – надеюсь, она не выглядела так, будто я зажевала десерт свежей кисликой – северной ягодой с говорящим названием, Ивар захлопнул дверцу и махнул извозчику. Экипаж отъехал, на смену ему подкатил следующий, мы же направились по улице в другую сторону – туда, где под мостами в черной воде Лане переливались зыбкие светлячки фонарей. Идти было не то чтобы близко, но и не очень далеко: сразу за мостом князя Лунгера квартал до рю де Руан, а там уже по прямой.

– Вы это всерьез?

Признаться, ждала этого вопроса. Хотя ответа на него не было, равно как и на многие другие. В частности – как я смогу играть рядом с Анри, когда вся моя выдержка рассыпается тленом, стоит мне взглянуть в его глаза. Я почти убедила себя в том, что все получится, но разговор в нише срезал мою уверенность под корень, как неопытный садовник кустовую розу.

– Серьезнее некуда.

– Развестись? Именно сейчас?

– Согласна, это надо было сделать намного раньше.

– То, что вы творите, не поддается никакому описанию.

– Если бы я творила то, что описанию поддается, он бы ни за что мне не поверил.

– Не стоит все рушить, Тереза.

Я чуть было не сказала, что все рухнуло уже давно, но вовремя опомнилась. Он говорит о другом, я же просто смешна. От злости на себя захотелось побиться головой о бронзовые перила – благо, мы как раз взошли на мост. Подсвеченные фонарями прямоугольные колонны возвышались над нами подобно окаменевшим колоссам, а застывшие на них изваяния светлых в мраморных тогах слепо и бесстрастно взирали вниз. Мимо с грохотом прокатил экипаж, поглотивший шаги немногочисленных прохожих и шелест платья.

– Помните историю этого моста? – Если хочешь сменить тему – говори об архитектуре.

– Загорский князь не только лично спроектировал, но и оплатил все расходы по его возведению, в качестве свадебного подарка королю Гавари V, с которым был очень дружен.

– Вот только свадебный подарок был достроен как раз к рождению первенца королевской четы.

– Хорошая попытка. Но мы говорили о делах.

Не отвяжется ведь, налипень болотный.

– Вы должны оставаться замужем, и вы это прекрасно знаете.

– Я никому ничего не должна. Мы с лордом Фраем заключили соглашение, в котором не было ни слова о том, что я останусь графиней де Ларне. Мне нужно войти в окружение Симона Эльгера, и я это сделаю. Как – не вашего ума дело. Это вообще ничьего ума дело.

Я отняла руку и зашагала быстрее, но на спуске с моста под ногу невовремя бросилась ступенька. Полет вниз был недолгим: Ивар перехватил меня за талию и крепко прижал к себе. Рванулась – тщетно, держал он так, словно стальными цепями опутало. От неожиданности заморгала, а в следующий миг меня резко развернули, и его лицо оказалось непростительно близко от моего.

– Вы влюблены в человека, рядом с которым нужно работать. – Говорил Ивар быстро, будто опасался, что перебью, либо начну вырываться, но у меня и в мыслях не было. Я рассматривала мотылька, колотящегося о манящий золотым светом фонарь. Светом настолько ослепительным, что реза-

ло глаза. – Дело не столько в том, разведетесь вы или нет. Дело в том, что вы чувствуете рядом с ним. Вам придется выбрать, Тереза.

С реки ощутимо потянуло прохладой: не осенней свежестью, а продирающей до костей ледяной сыростью, от которой потом долго не можешь согреться. А может, прохладой потянуло изнутри.

– Это уже точно не ваше дело. – Я прищурилась. – Или вы решили, что я увидела мужа с другой женщиной, и у меня напрочь отшибло ум?

Ивар кивнул.

Ну ладно, отшибло. Ненадолго.

Но сейчас уже все в порядке. Почти.

Снова прогрохотал экипаж, чьи-то шаркающие шаги по левую сторону моста доносились словно из другого мира. Там, где угольно-черная тень наползала на ступеньки, был бессилен даже свет. Так почему я постоянно сомневаюсь в себе?

– Страх – это нормально, – он наклонился ко мне еще ближе. Теперь между нашими лицами даже лист бумаги не вставить.

– Я не боюсь.

– Боитесь. Себя, когда рядом он.

Перед глазами всплыло досье, которое Анри составлял на меня. Интересно, у лорда Фрая тоже такое есть? Почти наверняка. Подозреваю, что Ивар с ним ознакомился перед

тем, как приступить к работе. Я рванулась – на сей раз он этого не ожидал, поэтому освободиться удалось на удивление легко. Тьма поглотила меня жадно и быстро, теперь между нами была только размытая граница. В свете фонарей его волосы стали почти медными: обжигающий, яркий цвет, а вот лицо казалось бледным, как у фольклорного вурдалака.

– В свободное время тоже препарируете людей? – даже не представляла, что мой голос может быть настолько жестким.

– Ну что вы. По сравнению с лордом Фраем я просто шалун.

Не дожидаясь ответа, Ивар быстро шагнул ко мне, в тень. Блики на волосах погасли, прежде чем я успела отпрянуть, он перехватил мои руки, сцепив запястья за спиной и поцеловал. Горячо, сумасшедше, остро… запретно. От яростного напора перехватило дух, а когда его язык скользнул между пылающих губ, размыкая их, сердце с силой ударилось о ребра. Я подалась вперед, отвечая, извернулась и с силой вонзила ногти в его ладонь. Ивар дернулся, от хлесткой пощечины на его коже мигом проступил след. В рассеянном, исполненном желтизны, свете темный, как суть моей силы.

Он коснулся щеки кончиками пальцев, улыбнулся.

– Не представляю, почему лорд Фрай выбрал вас, но… я вам доверяю.

– Вы хотели сказать – ему?

– Я сказал то, что хотел. Вы зацепили графа, Тереза. Так что поступайте, как считаете нужным.

– Не хочу вас разочаровывать, но моего мужа волнует только его репутация.

И его месть, на пути которой я теперь всего лишь досадная помеха.

– Вряд ли он хотел размазать меня по стенам оперы только из-за своей репутации.

Глухой удар внутри, под самыми ребрами. И ком в горле. Слишком яркими были воспоминания, вплоть до прикосновений, ожогами вспыхивающих на коже. Проникновенная нежность, оказавшаяся фальшивкой, и вера в то, что у нас все будет по-настоящему. Наверное, страшнее всего было осознать, что я до сих пор готова в это поверить.

– Вы поэтому меня поцеловали?

Ивар покачал головой.

– Поцеловал, потому что захотел.

– Никогда больше так не делайте.

– Этого я точно не стану вам обещать.

Он не пытался приблизиться, но крохотное расстояние – если так можно назвать жалкие два шага, не казалось неловким.

– Вы не представляете, как действуете на мужчин. Не видите или не хотите замечать?

– Я не нарочно.

– Не сомневаюсь. Могу научить.

– Действовать на мужчин нарочно?

Ивар широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы.

– Именно.

Я сложила руки на груди, наклонила голову.

– С чего вы взяли, что мне это интересно?

– Предположил, что вы любите учиться.

Я шагнула к нему, положила руки на плечи, прижалась – на грани приличий. Щека к щеке, обжигая дыханием шею. Сердце под ладонью ускорило бег, особенно когда прядь моих волос скользнула по коже над жестким накрахмаленным воротником. Он с силой притянул меня к себе, на границе сознания мелькнула мысль, что я сейчас соблазняю почти незнакомого мужчину на улице. Впрочем, надолго она в голове не задержалась. О той комедии абсурда, что со мной творится, и правда лучше не думать.

Руки Ивара скользнули под мою накидку, а я, почти касаясь губами его уха, прошептала:

– Учтите, я все ловлю на лету.

После чего отстранилась и, вернув ему улыбку, быстро направилась вдоль парапета к рю де Руан.

7

Письмо от графини д'Ортен оказалось приглашением на обед. В самых милейших выражениях в нем было сказано, что ее небесное светительство будет счастлива познакомиться с супругой графа де Ларне. Между строк явно читалось: «С глубочайшим сожалением о том, что ваш брак доживает последние дни, я вчера прыгала до потолка так, что чудом не удушилась кринолином». Последнее подействовало на меня гораздо быстрее и куда более отрезвляюще, чем все советы Ивара и доводы разума, вместе взятые.

«А вот ридикюль вам в декольте», – подумала я, написала не менее милый ответ, и сразу после завтрака отправилась к шкафу выбирать перчатки потоньше, чтобы браслет был виден. Кружево уже не по сезону, зато к нему идеально подойдет платье из алого шелка – вроде того, что безуспешно пыталась сосватать мне Луиза, с квадратным декольте. По моей просьбе Мэри затянула корсет так, что даже небольшая грудь обозначилась упругими полушариями с ложбинкой посередине. Волосы мы не стали убирать наверх – благо, после издевательств Эрика они уже немного отросли – просто красиво уложили, оставив ниспадать на плечи волнами разной длины.

Мне нужно изучать окружение Анри, вот этим сейчас и займемся. К тому же, близкое знакомство с кузиной его ве-

личества поможет войти в высший свет Вэлеи даже без титула графини де Ларне. Что же касается моего мужа… Хочет по-плохому, будет ему будет по-плохому. Подружусь с его любовницей, поставлю подпись, после этого он на меня никаких прав иметь уже не будет, и пусть утрутся платочком на пару с лордом Фраем. Одним, разумеется.

Ольвижский особняк графини устроился в районе четырех парков и ничем не уступал дому брата в Лигенбурге. Скрывался он за коваными воротами, украшенными завитками позолоты и увенчанными узорчатыми плафонами фонарей. Три этажа, один из которых под самой крышей – темнеющий намеренно затертым графитом над бледно-желтым фасадом. Над главным входом располагался небольшой каменный балкон, окна и карнизы были щедро сдобрены лепниной: надо отдать должное, изящной, а маленькие балкончики с резными невысокими ограждениями наводили на мысль, что дом построен недавно: если не ошибаюсь, в Ольвиже такое вошло в моду пару десятилетий назад.

Встречал меня мужчина с густыми бровями и открытым молодым лицом, в темно-синей, расшитой золотом ливрее, на фоне которой шейный платок казался алебастровым. Дворецкий помог снять накидку и сообщил, что меня уже дожидаются в музыкальном салоне. Залитый солнцем холл, облаченный в кремовый шелк обоев, плавно переходил в не менее светлый коридор. Чем ближе мы подходили, тем кощунственнее казались наши шаги, разрушающие тонкие свет-

лые ноты – самый известный вальс Ганса Вельберта, который композитор написал после гибели возлюбленной. Правда, стоило мне представить руки Анри на талии исполнительницы и его губы на ее губах, внутри все сжалось и захотелось надеть графине на голову тромбон. Ну или ударить глубинной тьмой.

Дворецкий распахнул высокие ореховые двери, и я шагнула в салон. Небесное создание сидело на голубом пуфике и играло так, что даже Вельберт рыдал бы от умиления. Не удивлюсь, если она еще и поет, а в будуаре у нее припрятана арфа и сменные крылья. При моем появлении графиня мягко улыбнулась, изящно кивнула на небольшой диван возле окна, но доиграла композицию до конца. Я разглядывала белоснежный рояль, высокое арочное окно и солнечные брызги на ковре цвета сливок, в тон штофной обивке стен, поэтому пропустила момент, когда следовало восторгаться исполнением. Кажется, ее это ни капельки не смутило.

– Искренне рада, что вы приняли приглашение, мадам… – улыбаясь, Евгения протянула руку, скользнула взглядом по моему запястью, – Феро. Безумно любопытно познакомиться с женщиной, которой удалось украсть сердце нашего загадочного графа.

Интересно, она сейчас о себе на «вы», или подразумевается кто-то еще?

Я не сразу нашлась с ответом: все, что крутилось на языке, не имело ни малейшего отношения к правилам хорошего

тона. Графиня, тем временем, изящно опустилась на диван, расправила складки бледно-желтого платья. Глаза ее светились любопытством и нетерпением. Сейчас, днем, она казалась еще более светлой, чем в опере. Только я хорошо помнила, как она смотрела вчера – пристально, словно пронзая насквозь морозными иглами. Вот и сейчас в безоблачном взгляде на миг сверкнули кристаллики льда, тут же растаявшие под лучами внимания и симпатии.

– Взаимно рада, – я легко передернула плечами и чуть наклонила голову. – Здесь, в Ольвиже, я почти никого не знаю, поэтому получить ваше приглашение оказалось приятной неожиданностью, но… Неужели Анри совсем ничего обо мне не рассказывал?

Надеюсь, мой голос прозвучал достаточно разочарованно. Графиня обеспокоено прикусила губу, словно извиняясь за свои слова. Получилось вполне натурально, но даже будь я великим математиком, не взялась бы высчитывать процент искренности и напускного в нашей беседе. Мы как подружки в ссоре: во время игры в мячик каждая только и ждала, пока другая отвлечется, чтобы залепить удар точнехонько в лоб.

– О, я не хотела вас расстраивать. Но дело в том, что граф и о себе почти ничего не рассказывает. – Евгения покачала головой. – Мне известно только, что о вашем браке договорились родители, и что граф опоздал на несколько лет.

Уже больше, чем знала я, когда оказалась замужем.

– Так все и было. Признаюсь, для меня это оказалось

несколько неожиданно…

И первое время я даже хотела его убить.

– Но Анри такой мужчина… – я опустила глаза. – Его обаянию просто невозможно противиться. Ох, простите мою откровенность. Уверена, вы знаете об этом не хуже меня.

Ловите, графиня!

Изящные брови взлетели вверх, пальцы пианистки на миг сжали тонкий шелк платья, а затем она тихонько рассмеялась.

– О да, все дамы Ольвижа желали заполучить его в мужья, – она смотрела изучающе. – Но Анри Феро – человек долга.

Поймала.

– Многие леди Энгерии тоже были разочарованы. – Я рассматривала гипсовую лепнину на камине, вспоминая большой музыкальный салон Мортенхэйма, где можно было бесконечно слушать матушкины нотации и щебетание Лави. – Когда-то я думала, что меня ждет скучное замужество, но Анри раскрасил мою жизнь яркими красками. К счастью, нас связывает нечто большее, чем просто брачный договор.

На сей раз улыбка вышла скупая.

– Странно, что вы не вышли замуж раньше. Почему так получилось?

– Наверное, ждала чего-то особенного.

– Это что-то может оказаться гораздо опаснее, чем вы себе представляете.

Вот даже как. Пусть и сказано с выражением лица старшей сестрицы, искренне заботящейся о чувствах непутевой младшенькой.

– Говорите со знанием дела?

Голубые глаза слегка потемнели. В самой глубине тлело нечто такое, что даже разгадывать не хотелось: темное, как вчерашние угли. Тем не менее если один неосторожно уронить на ковер, можно спалить целый дом.

– Увы. Наши с супругом отношения были далеки от особенных.

– Были?

– Да. Я вдова.

– Соболезную вашей утрате.

– Благодарю, – Евгения коротко улыбнулась. – Но моя боль уже утихла. Это случилось давно.

Крылья тонкого носа дрогнули, на миг преображая черты светлоподобного личика в хищную маску. Сколько же ей лет? Выглядит не старше меня, а то и моложе, но блондинки всегда смотрятся юными, особенно невысокие и хрупкие. Она не просто аристократка, в ней течет королевская кровь, а значит, графиня вполне может обладать магией. Интересно, какой и насколько сильной?

Продолжить мы не успели: нас пригласили к столу, и во время обеда наш разговор плавно перетек в светскую беседу. Судя по лицу Евгении, только приличия мешали ей пригвоздить меня вилками к стулу и с пристрастием допросить

обо всем, что связывает с Анри. Мне они тоже мешали, но с этим я кое-как справлялась. До того, как она снова о нем заговорила.

– Вы наверняка знаете, что этот дом – подарок графа де Ларне.

Я чуть не подавилась марципаном. Мне Анри ничего не дарил, кроме сирени, лунника, ажурных чулок и синего платья, в которое я влюбилась с первого взгляда, как только увидела на витрине. И которое почему-то до сих пор таскала с собой, а не пустила на тряпочки.

– В честь нашей дружбы, – Евгения смотрела мне прямо в глаза. – Он безмерно обожает Лавуа, я же уговаривала его купить себе дом в Ольвиже, но граф все время отказывался. А потом сказал – если вам так угодно, лучше я сделаю вам подарок и стану вас навещать. Правда, он чудо? Так грустно, что вы разводитесь.

Я допила кофе не по этикету. Залпом, вместе с горечью со дна. Внутри – в сердце, что-то тонко дрожало, готовое вот-вот порваться, бешено колотилось в висках, стекало по спине холодным потом. Обратить в прах все это режущее глаз убранство, оставить ее сидящей на стуле посреди улицы – в одних панталонах с открытым ртом!

– Про развод это было сгоряча. А роскошный подарок – лучший способ заставить женщину замолчать. Часто он вас навещает в последнее время?

Я наблюдала, как улыбка сползает с кукольного личика

– медленно, но неотвратимо, как нависшая лавина в горах рушится вниз, погребая под завалами всех, кто не успел убраться с ее пути.

– Дружба со мной открывает многие двери, мадам Феро, – заметила Евгения, не сводя с меня пристального взгляда. Теперь уже лишенного напускной любезности и светлейшей чистоты.

– Не сомневаюсь, – я промокнула губы, отложила салфетку и поднялась. – Но нам все равно не по пути. Кстати, утка в апельсиновом соусе была слегка жестковата.

Евгения поднялась, но тут же сдавленно охнула и опустилась на стул: шнуровка корсета – такая непрочная штука… если использовать магию смерти и обратить узелок в прах. Я вышла за дверь, не оглядываясь и чувствуя, как меня трясет, теперь уже по-настоящему. Спина взмокла так, что стоило мне оказаться за воротами, осенний ветер нагло скользнул ледяными пальцами за шиворот и ниже, заставляя дрожать еще сильнее. Да, в Мортенхэйме я была заперта за семью замками, но там мне не приходилось притворяться. Не приходилось улыбаться в лицо женщине, которой хочется выдрать все волосы или, по меньшей мере, напугать до икоты, обрушив на ее прянично-карамельный мир стирающую краски, звуки и запахи разрушительную мощь тьмы. Вот только ее карамель горчила посильнее лахринской настойки, а запах от нее шел как от прошлогодних листьев, залежавшихся под снегом.

Я сама не заметила, как дошагала до конца улицы. Зябко кутаясь в накидку под ослепительным осенним солнцем, вспомнила, зачем вообще приходила. Свой единственный шанс войти в высшее общество Вэлеи без Анри я развеяла по ветру, благодаря… ладно, пусть будет вспыльчивости. До теплого разговора, проходившего в обстановке девичьей симпатии и закончившегося эпичным крахом корсета, у меня оставалась возможность действовать в обход мужа. Теперь леди Тереза полетит как панталоны над Ольвижем, стоит ей поставить подпись и лишиться магии титула де Ларне.

Окончательно погрузиться в пучину самобичевания не успела – кучер проезжающего мимо экипажа резко натянул поводья. Гнедые жалобно всхрапнули, дверца распахнулась в каких-то дюймах, чудом не зацепив платье. Вспомнились несколько слов, леди недостойных, которые замерли на губах, и которых стало больше, стоило мне увидеть Анри. Каблуки царапнули по мостовой, носок больно ударился о подножку, когда муж бесцеремонно втащил меня внутрь и толкнул на сиденье. Я рванулась было, но прямо передо мной взметнулась золотая дымка, рассекая карету надвое и ослепляя. Меня наградили яростным взглядом и захлопнули дверцу с такой силой, что зазвенело в ушах.

– Сядь, – последовал негромкий приказ.

Экипаж тронулся с места.

8

Я сидела неподвижно. Сложно сидеть как-то еще, когда золотая мгла обтекает тебя со всех сторон, только ты сама не залита смертоносной выжигающей антимагией. Муженек устроился напротив, на шее и скрещенных на груди руках вздулись вены, выдавая напряжение. Очевидно, он уже представлял на моем месте горстку пепла. Или ждал, пока сорвусь, чтобы снова приложить своей силой. Вот только я не собиралась доставлять ему такое удовольствие и уж точно не собиралась рассказывать о том, что он единственный, кто на самом деле способен обратить меня в пепел.

Одним словом.

Единственным взглядом.

Нет, не таким.

Этот потемнел даже несмотря на расплавленное золото, бесконечно измеряя глубину моего провокационного декольте, затянутого в алый шелк, только чудом до сих пор в груди дыру не прожег. А ноздри супруг раздувал как паруса, еще чуть-чуть – и взлетим.

– Куда мы едем? – хмуро спросила я.

– На вокзал.

Вопреки тому, что творилось вокруг, внутри все похолодело.

– Вы не посмеете запихнуть меня в поезд. Я вам не по-

сылка!

– От посылок меньше неприятностей, если в них, разумеется, не бомба. – Глаза мужа сверкнули солнечным льдом.

– Надеюсь, у вас закипят мозги.

– Закипят, не сомневайся. Но не сегодня.

Я скорчила гримасу и отвернулась. Меня накрыло липкой удушливой волной: такое случалось, когда отец спрашивал с меня заклинание, которое напрочь вылетело из головы, а потом награждал убийственным взглядом. Или когда плетение, в чьей цепочке я неправильно выстраивала звенья, клочьями летело мне в лицо под его тяжелой рукой. Казалось бы, проще некуда – вернуться домой, доложить лорду Фраю, что его план провалился, поставить подпись и с чистой совестью запереться в Мортенхэйме, но меня затрясло при одной мысли об этом. Потому что я не могу проиграть. Не могу отступить. От этого зависит не только моя жизнь, но и жизни моих родных.

– Надеюсь, кричать ты больше не собираешься?

Сейчас бы швырнуть в него сгусточком тьмы. Маленьким таким, с кулачок – этот навык на побережье прокачала до того, что спросонья могу ими кидаться. Вот только маневра для замаха нет, а золотая дымка сожрет мои усилия с потрохами. Жаль, даже до башмака не дотянуться. С каким удовольствием я бы запустила в эту самоуверенную физиономию хотя бы им!

– Хочешь ехать так всю дорогу?

– Нет, – буркнула я, – обещаю, что буду сидеть смирно.

– Вот и чудно.

Золото схлынуло, и мне стало полегче. Самую малость. Я должна была думать, как мне остаться в Вэлее, но с какой-то радости злилась все сильнее и сильнее. Чего ради этот идиот постоянно использует мглу? Демонова сила хэандаме действительно его убивает – понемногу, медленно, но верно. Чтобы не смотреть на Анри, пришлось себя одернуть, я с мрачным видом наблюдала за проносящимися за окнами кареты невысокими домиками с узорчатыми резными балконами. Мимо скользнула цветочница с корзиной, полыхающей яркими красками и нежной бахромой лепестков. Островок весны мелькнул и затерялся в толпе, тем не менее заставляя вспомнить Лигенбург и первую встречу в саду Уитморов. В довершение всего мы проехали мимо свадебного салона, где на витрине, под украшенной золотыми виньетками вывеской, застыли манекены в белоснежных шелках и кружеве. Рядом на бархатных подставках устроились перчатки и украшения.

Нет, это уже слишком!

– Где Мэри?

– Я велел ей собрать вещи и вызвал экипаж. Она уже должна быть на вокзале.

Я сжала зубы.

– Что у тебя с лицом, Тереза?

Он еще и издевается!

– Слишком много вас в моей жизни в последнее время.

– Скоро будет еще больше.

– Что?!

Я вцепилась в обивку сиденья. А то, что голос вышел слегка сиплым – это я не нарочно.

На его губах заиграла недобрая улыбка.

– Забираю жену в родовое поместье.

– Вы со мной развелись, – напомнила я.

– А ты нет.

– Это дело времени.

– Именно. Я свое время ценю. – Анри сложил руки на груди, прикрыл веки и откинулся на спинку сиденья. В его расслабленность я ни на минуту не поверила. Затаившийся лев, вот он кто. – Когда прочно уверишься в том, что готова поставить подпись, верну тебе бумаги.

Я вздрогнула, точно в лицо плеснули ледяной водой. Вдоль позвоночника обернулась холодная цепь страха, заставляя выпрямиться, словно меня вздернули и растянули по спинке сиденья. В шкатулке с документами хранился засушенный лунник, пирамидка Фрая и серьги. Конечно, Ивар говорил, что передатчик настроен на меня, а противоядие и веер лежали в другом месте, но это не отменяло того, что Анри Феро снова бесцеремонно и походя вторгался в мою жизнь – так, словно был моим супругом не только на бумаге, но и на деле. Словно имел на меня все права. Да даже если бы имел!

– Вы что, рылись в моих вещах? – прошипела я.

Он лениво приоткрыл глаза.

– Судишь по себе?

Перед глазами мелькнула шахматная доска, рассыпавшиеся по покрывалу досье – на меня, на брата, на остальных. Письмо Итана Аддингтона, в котором предлагались скупые варианты решения судьбы Винсента и моей. Услышала какой-то странный звук – горловой, резкий, и не сразу поняла, что крик принадлежит мне. Я бросилась на мужа, как простая девица – кошкой, готовой вцепиться в лицо.

Анри вмиг перехватил мои руки, завел за спину и крепко прижал к себе – совсем как в нашу первую беседу в Мортенхэйме: помнится, тогда я тоже собиралась расцарапать его мужественную физиономию. Почувствовав кольцо стальных объятий, задергалась, едва не стукнувшись лбом о стенку, больно ушибла локоть о дверцу, но так ничего и не добилась. Разве что оказалась теснее вплавлена в мощную грудь мужа, с вывернутыми за спину руками и запрокинутой головой. Сам он ни капельки не вспотел, хотя чтобы меня удержать, ему пришлось знатно согнуться, даже несмотря на высокую крышу экипажа.

– Если будешь продолжать ерзать, – губы его были непростительно близко от моих, – я напомню о другой стороне супружеских обязанностей.

Я вспыхнула от корней волос и до кончиков пальцев. Внутри тоже полыхало – от злости, стыда и досады. А еще от

бессовестно-сладкого предвкушения, которое прокатилось по телу горячей волной и отозвалось предательской дрожью. Сжимая зубы, я замерла в его объятиях, как ранее на сиденье под властью золотой мглы. Дышать было тяжело, платье казалось тесным и жестким, особенно в ставшей чувствительной груди, но куда тяжелее было выносить близость Анри. Прикинув, получится ли цапнуть мужа зубами за подбородок, я все-таки решила не искушать судьбу и окончательно притихла, стараясь выровнять дыхание. Получалось не очень.

– Прежде чем нападать, – он наклонился к самому уху, – убедись, что знаешь, куда бить.

О, в этом вам точно равных нет.

– Учту, – процедила я, – а теперь будьте так любезны… Уберите руки!

Анри хмыкнул мне в макушку.

– Чтобы ты воспользовалась советом? Не очень-то хочется рисковать.

В подтверждение своих слов он на миг освободил мои запястья, чтобы перехватить их спереди. Теперь моя щека прижималась к груди мужа, но удобнее от этого не стало. Во всех смыслах. Сердце билось глухо, отчаянно, словно заведенное сумасшедшим часовщиком. И его голос, за недолгие месяцы самообмана ставший непростительно родным, отозвался внутри холодом и отрезвляющей болью:

– Поставь подпись, Тереза. Возвращайся в Энгерию, и ты

никогда больше обо мне не услышишь.

– Или что? – глухо спросила я.

– Или я запру тебя в Лавуа до конца твоих дней.

– Мы в Вэлее, милорд. Помните?

– В Вэлее тоже есть свои прелести. Например, если женщина предпочитает уединение в графстве мужа, никто не станет ее осуждать. Или пытаться его нарушить.

Отчаянно хотелось вырваться. Взглянуть в эти жестокие глаза, рассказать все как есть – и пусть даже на краткий миг увидеть мелькнувшее в них удивление, которое сменится… сменится ли?.. Разочарованием в собственной неотразимости: не разглядел, не почувствовал, упустил. Но я промолчала: потому что Анри был мне нужен. Воротило меня сейчас знатно – больше от себя, чем от него. Экипаж слегка потряхивало на брусчатке, чем ближе к вокзалу, тем громче становилась за окном жизнь, моя же сосредоточилась в крохотной точке внутри, за которую я держалась. Я – Тереза Биго. Неважно, что я говорю и что делаю, это лишь игра. Что-то вроде роли на сцене, как у Луизы, которая потом забудется, как страшный сон.

– Подпись я поставлю хоть сейчас. – Когда все-таки заговорила, голос звучал холодно и жестко. Как должен. Каким он был всегда. – Но в Энгерию пока вернуться не могу.

Почувствовав, что Анри больше меня не удерживает, я отодвинулась и опустилась на сиденье. Точнее, свалилась как куль с мукой, без сил и малейшей возможности подняться,

руки и ноги были просто ледяными, тогда как сама вся горела. Взгляд мужа, напротив, был холодным и жестким. Я чувствовала себя насекомым на стеклышке микроскопа: если бы Анри мог просветить во мне каждую косточку силой хэандаме, смертоносные лучи уже пронзали бы тело насквозь.

– И что же тебе мешает?

Я облизнула пересохшие губы и отвела взгляд. Всевидящий, помоги.

– Я не вернусь в Лигенбург. – Понизила голос, как если бы кто-то мог нас подслушать. – И уж тем более в Мортенхэйм. Винсент в два счета меня раскусит, а если он поймет, что я… иногда позволяю себе…

Не договорила. Даже щеки не загорелись, наоборот – кровь отхлынула от лица. И не только от лица, словно вся она собралась в области сердца, которое до сих пор не взорвалось лишь каким-то чудом. Меня колотило и раздирало изнутри от напряжения. От невозможности сбросить мерзкую маску, налипшую на лицо, вытряхнуть из себя горький пепел притворства. Пыталась думать о цели, но вместо этого в голове творился какой-то сумбур. Прав был Ивар, когда говорил, что мне придется выбрать – чувства или цель.

– Не желаешь сидеть в Мортенхэйме, будешь сидеть в Лавуа. Подальше от многочисленных соблазнов. Только учти, в моем доме расслабляться привычным образом не получится.

– Да как вы… – я осеклась: под наливающимся тяжестью золота взглядом стыла кровь. В детстве увидела, как сын

конюха насаживает на деревянные шпажки живых стрекоз. Мальчишка свалился с балки на сеновале – доска под ним моими стараниями шустро истлела и проломилась. Он сломал ногу и больше таким не занимался, но сейчас меня не покидало ощущение, что такой стрекозой стала я. А шпажкой – взгляд Анри, который ощущала всей кожей. Обжигающий, как свежая зола.

– Я предлагал тебе поехать со мной. Я давал тебе развод. Я давал тебе время. Достаточно, чтобы сделать выбор.

– Мне нужно предупредить об отъезде! – вскинулась я.

– Кого? – теперь в его голосе звучала откровенная издевка. – Месье Раджека, который очень любит коньяк?

Приподнятые брови, жестокая насмешка вонзились в самое сердце. Ярость задрожала на кончиках пальцев глубинной тьмой, и я отвернулась к окну. Голова казалась тяжелой, как под зельем из корня таэлье – сильнейшим в мире обезболивающим, которое растекалось по венам медленно, но неотвратимо погружая в лекарственную апатию. Кажется, с Иваром попрощаться не выйдет и посоветоваться о том, что делать дальше тоже. Ладно, доберусь до Лавуа, что-нибудь придумаю. На самый крайний случай есть магическая пирамидка. Проблемы надо решать по мере их поступления, а изо всех, что в ближайшее время свалятся на голову, эта самая меньшая.

9

За спиной осталась небольшая станционная деревушка, узкие улочки и покатые черепичные крыши, пылающие охрой. Теперь дорога, по которой мы ехали, была заключена между полей, залитых осенним золотом, воздух был напоен терпким запахом винограда, свежестью и чем-то сладким, похожим на ваниль, но не настолько приторным, с легкой горчинкой. В Энгерии осень пахнет иначе: туманами, дождями, прелой листвой и яблоками, здесь же я чувствовала себя так, словно нырнула в странное, непонятное лето, которое вэлейцы называют осенью. Солнце припекало настолько, что я сняла шляпку и вручила ее Мэри, которая сидела рядом со мной, молчаливая и настороженная.

Дорога извивалась змеей – между невысоких холмов, и стоило нам выехать из-за небольшой рощицы, глазам открылось белоснежное поле, уходящее вдаль. Когда мы подобрались ближе, жужжание над ним перекрыло урчание Кошмара, устроившегося у меня на коленях и по громкости не уступавшему намийскому львенку. На руки к Анри он идти отказался, за что я готова была терпеть его высочайшую пушистость еще несколько часов, хотя ноги уже ощутимо затекли и хотелось подвигаться. Зато теперь становилось понятно, откуда взялся сладковатый запах – то, что издалека можно было принять за пуховое покрывало, оказалось цветами. С

тонкими меловыми лепестками без единой прожилки, даже сердцевина была белой. Вьющиеся над ними шмели и пчелы напоминали темные ручейки на снегу.

– Аламьена. – Негромкий голос мужа заставил обернуться, но он смотрел не на меня, а в окно, на проплывающие пейзажи. – «Прощальный поцелуй лета». Цветет только осенью, растет только на юге Вэлеи. Некоторые считают, что по красоте ничуть не уступает лаванде.

Лавандовые поля я видела только на картинках – к этому времени она уже отцветает, но аламьена напоминала облака, которые прилегли отдохнуть на земле.

– Ее тоже добавляют в духи?

Анри кивнул.

– Мед из нее потрясающе вкусный.

Не сомневаюсь – с таким-то запахом. Даже Мэри не удержалась, вытянула шею, разглядывая поле, которое протянулось вдоль дороги. А я позволила себе задержать взгляд на Анри: залегшие под глазами тени, подбородок обозначился резче, скулы тоже. Под тонкой рубашкой по-прежнему выделялись мышцы, но лицо заметно похудело. Исчезла его сводящая с ума улыбка, от которой кружилась голова, между бровями пролегли едва заметные морщинки. Схватка с Эриком чуть было не стоила ему жизни, а после такого непросто прийти в себя.

Я нырнула в реальность и обожглась о пристальный взгляд – муж тоже глядел на меня. Точнее, изучал: сжатые губы,

слегка сведенные брови, в глубине глаз затаилось чувство, которое сложно определить. Отчаянно захотелось, чтобы Анри посмотрел иначе, как на берегу Ирты – с нежностью, от которой заходилось сердце. Хотя бы на минуту, и, если потом все снова станет, как есть, не страшно.

Всевидящий! О чем я вообще думаю?

Разозлившись на себя, так вонзила ногти в ладонь, что на одной кожа лопнула и выступила капелька крови. Мэри делала вид, что увлечена видами Лавуа, но ее выдавали напряженные плечи. Она вытянулась в струнку и ловила каждое слово, хотя руки по-прежнему были чинно сложены на юбке. Когда стало ясно, что ничего больше не происходит, негромко вздохнула и удобнее устроилась на сиденье. Я же еще немного полюбовалась на поля аламьены, ненадолго прикрыла глаза… и проснулась от того, что камеристка легко тормошила за плечо.

– Миледи… миледи…

Сонно моргая на закатное солнце, затопившее экипаж, я подскочила и неосознанно потерла глаза. Видимо, сказались сутки в поезде, бессонная ночь и постоянное напряжение, поэтому более четырех часов пути до поместья я проспала самым бессовестным образом. Стрекотали кузнечики, колеса прогрохотали по камню – мы проехали по небольшому мостику через неглубокую речушку, захрустел гравий дорожки, ведущей к утопающему в зелени трехэтажному каменному дому. Распахнутые бледно-желтые ставни распла-

стались по фасаду как крылья замерших бабочек. Окна – небольшие, расчерченные перекрестьями рам в тон ставням, от чего даже стены казались солнечно-теплыми.

Экипаж остановился на подъездной дорожке, Анри вышел первым и подал руку. Я спустилась и замерла, разглядывая место, где мне предстояло жить. Сам дом устроился на небольшом возвышении, которое обвивали две лестницы, украшенные каменными вазами. Обратила внимание, что с этой стороны не было ни одного балкона, но больше ничего рассмотреть не успела: муж стремительно увлек за собой. Мэри спешила за нами, прижимая к груди дорожную сумку, а замыкал наше шествие Кошмар, вальяжно вышагивая по новым владениям. Навстречу уже спускалась невысокая женщина в скромном серо-голубом платье. В возрасте, но довольно приятная – по крайней мере, так мне казалось, пока она не увидела меня и не поджала тонкие губы. Хотя на Анри взглянула сердечно и мягко.

– Добро пожаловать домой, граф.

– Спасибо, Марисса. Мадам Ильез, лучшая экономка в мире. Тереза Феро, графиня де Ларне.

– Приятно познакомиться, мадам.

– Взаимно.

От меня не укрылась ни теплая улыбка, предназначавшаяся Анри, ни жесткий взгляд, которым меня наградили. Мэри и то достался попроще да поприветливее. Очевидно, экономке пришлось не по нраву, что тут будет хозяйничать кто-

либо еще, хотя на самом деле на хозяйство я не имела ни малейших претензий. Тем более что никогда не хотела его вести – в Мортенхэйме была матушка, которая ведала всем, Барнс и еще столько народу, что не перечесть. Прислуге, которую подбирали Винсент и ее светлость, доверить можно было даже последние панталоны, посему такие вопросы обходили меня стороной. Сама я мало интересовалась, как оно все происходит, потому что голова была занята магией. Надеюсь, Анри не заставит меня заниматься пересчетом столового серебра и проверками расходов. Хотя… с него станется.

– Марисса, распорядись по поводу ужина и комнаты для леди Феро, а после помоги мисс Китс устроиться. Завтра утром представишь моей жене остальных. И попроси Жерома меня найти.

Услышав имя Жерома, Мэри подобралась и слегка покраснела. Экономка измерила ее пристальным взглядом от макушки до пят, но не сказала ни слова – только сдержанно кивнула, приглашая следовать за ней. Стоило им скрыться за высокими арочными дверями, Анри предложил мне руку, которую я спросонья приняла. Шла вдоль дома, который мог стать моим по-настоящему, с единственным мужчиной, которого хотела назвать своим – словно во сне и чувствовала тепло его кожи под тонкой перчаткой. Срывающиеся с деревьев листья кружились в медленном вальсе, падали под ноги, и с каждым шагом мне все больше становилось не по себе, все сильнее охватывало чувство нереальности происхо-

дящего.

Мы обогнули дом и вышли в небольшой парк, посреди которого застыла ротонда, увитая виноградной лозой. Чуть поодаль – зеркальный пруд, отрезанный от внешнего мира густой полосой деревьев. Мы остановились, и время замерло. Взгляд – глаза в глаза. Анри был так близко, что я могла дотянуться до него, повторить каждую черточку подушечками пальцев. Наверное, будь мы во сне, я могла бы это сделать, но сейчас просто спросила:

– Что это вы на меня так смотрите, граф?

– Странно. Твоя маленькая слабость совершенно не сказалась на внешности.

Меня бросило в жар. Подавив желание отпрянуть, пожала плечами.

– Некоторые зелья творят чудеса.

Анри неожиданно нежно привлек меня к себе, наклонился и прошептал на ухо:

– Я знаю правду, Тереза, – интимно, лаская кожу дыханием. – Знаю, зачем ты здесь.

В который раз за последнее время сердце пропустило удар. Я попыталась вырваться, но муж держал крепко. Настолько крепко, что стало больно запястьям, в противовес обволакивающему негой голосу взгляд полоснул как лезвие стилета. Дыхание сбилось: почему-то раньше мне даже в голову не приходило, что он может сделать, если узнает о сговоре с лордом Фраем. А сделать он мог все, что угодно –

я сама поехала к нему, сама сунула голову в камин и еще угольки поворошила для верности.

– К чему столько сложностей? – сильные пальцы погладили шею. – Могла бы сразу сказать, что соскучилась и передумала разводиться…

Что?

Я сглотнула. Но переварить смысл сказанных им слов так и не смогла.

Да глаза б мои вас не видели никогда больше. Да вы…

Анри больше меня не удерживал, но хищная улыбка – сейчас он как никогда походил на готового напасть льва, вытряхнула душу на землю и раскатала по гравию.

Очередная игра. Проверка.

Шпажка для стрекозы.

На моих пальцах замерцала тьма, его глаза полыхнули золотом. И не только глаза – руки, шея, лицо, золотой вихрь взметнулся вокруг и замер в дюймах от меня. Я почти касалась ладонью широкой груди мужа, браслет горел, как раскаленный в огне.

– Не испытывай судьбу, Тереза.

Тьма и мерцающая дымка хэандаме растаяли одновременно. Анри снова притянул меня к себе.

Надо было брать у Ивара уроки – как он там говорил – воздействия на мужчин? Прямо там, на мосту Лунгера. По крайней мере, сейчас в голову не лезла бы всякая ерунда. Как ни странно, мысли об Иваре отрезвили. Он говорил, что

у меня и так неплохо получается, значит, будем пользоваться тем, что есть. И тем, что успела вложить в мою голову Луиза, хотя половина этого вытряхнулась сразу же и развеялась в неизвестном направлении.

Я замерла, расслабилась в руках мужа. Отпуская напряжение, отпуская чувства. Ненадолго – завтра будет стыдно, завтра будет страшно, завтра будет завтра, но сейчас… Почувствовав свободу, приподнялась на носки и коснулась губами его губ. Бессовестно красивых, жестоких, желанных. Анри замер на миг, но затем впился в мой рот поцелуем. Жадно, почти до боли, зарываясь пальцами в прическу, вплавляя меня в себя. Глупое сердце рванулось к нему, а вместе с ним и все тело – всей кожей, всей сутью, каждой клеточкой. Я тонула в этом поцелуе, задыхалась… короткие несколько мгновений, которые показались мне самыми длинными в жизни. Только когда в легких не осталось больше воздуха, отстранилась, толкнувшись в его плечи ладонями.

– Мне показалось, или вы тоже скучали? – голос звучал на удивление низко, гортанно. Грудь тяжело вздымалась, тело все еще билось в ритме сводящего с ума, выматывающего поцелуя. И когда золотые искры в его глазах вонзились под кожу, грозя разгореться неуемным пожаром, из-за поворота вышел Жером. Не дожидаясь ответа, я подхватила юбки и спешно направилась к дому.

Не оборачиваясь и не оглядываясь.

10

Утро для меня, привыкшей вскакивать ни свет ни заря, началось поздновато. Солнце вовсю заливало просторную комнату, и первые несколько минут я пыталась проснуться окончательно и понять, что же произошло. Если честно, в последние месяцы мне спалось не то чтобы плохо – отвратительно. Постоянные кошмары сменялись бессонницей, я могла проворочаться всю ночь, задремать под утро, чтобы потом весь день ходить как Луни, натыкаясь на стены и хватаясь за обрывки ускользающих мыслей. Собственно, зелье, которым я усыпила Ивара, появилось не просто так, но вчера я им не пользовалась. Маленький пузырек лежал в ридикюле, большой остался где-то в сундуках, надежно запакованным. После ужина, за которым наспех затолкала в себя еду, я поднялась сюда, позволила Мэри себя раздеть, рухнула на подушки и отключилась. Спала так, как не спала уже очень давно, без снов, даже не повернулась ни разу: правая сторона затекла, а на лице смачно отпечаталась подушка.

Я потерла щеку, разгоняя кровь, подхватила с комода шкатулку с документами, выполненную в виде старинной книги, с картой мира на крышке и серебряной застежкой. Отодвинула легкие портьеры сливочного оттенка и устроилась на широком подоконнике. Окно выходило в парк – отсюда отлично просматривалась и рощица, отгородившая по-

местье от мира, и зеркальный пруд, и ротонда, возле которой состоялся наш с Анри… разговор. Передатчик, лунник и документы были на месте – все, кроме клятого договора, а точнее, бумажек, подтверждающих его расторжение. Моя свобода снова в руках мужа, но сейчас меня беспокоило другое: как вести себя дальше.

Симон Эльгер остался в Ольвиже, а я заперта в Лавуа. Анри видит меня насквозь, а то, что не видит – додумает, сложит, и выведет, как математик доказывает забытую теорему. Чем больше буду сочинять, тем больше вызову подозрений. Похоже, придется использовать метод супружеской полуправды. То есть говорить только то, о чем можно говорить, избегая острых углов, как в свое время делал Анри.

От размышлений меня отвлек громкий стук, донесшийся снизу – звук был похож на глухой удар, как если бы с высоты рухнуло нечто тяжелое. Звук повторился, поэтому я спрыгнула с подоконника, накинула халат и, как была босиком, выбежала из спальни. Полы здесь были удивительно теплые, словно что-то грело их изнутри. Пробежала по коридору, и, очутившись над холлом, замерла: Марисса и Жером стояли у лестницы, наблюдая за тем, как пыхтящие лакеи волокут очередной сундук с моими нарядами. Шляпные коробки, сложенные в аккуратные горки, возвышались справа. Рядом с ними громоздились перевязанные веревками книги, которые не влезли в основной багаж.

Шмяк!

Я прикрыла рот ладонью: лица у экономки и Жерома были чересчур говорящие – недоумение, плавно переходящее в недоверие. Двое горничных замерли чуть поодаль и взирали на творящийся беспорядок с благоговейным трепетом. Когда лакеи, вытирая пот со лба, направились к распахнутым настежь дверям, в холл вышел Анри. Бодрый, подтянутый – очевидно, не в пример мне, проснулся уже давно. Глянул так, будто видел впервые. Он-то чему удивился, интересно? Все счета приходили на его имя, так что оценить размер катастрофы должен был сразу.

Бряц!

В просторном светлом холле стало еще менее просторно.

Кошмар восседал на ступеньках с видом заправского хозяина, на гостевом дворе которого загулявшие постояльцы устроили жуткий кавардак.

– Что *это*? – негромко спросил муж, и все, как по команде, повернулись ко мне.

– Мой багаж, – ответила как можно более невинно.

– *Твой* багаж? – Анри выглянул за двери. – Это не багажный дилижанс, это вагон «Стрелы».

– Вы преувеличиваете.

– А ты, похоже, решила приодеть всю Вэлею за мой счет.

– Ну… – я пожала плечами. – Надо же мне было порадовать разбитое сердце.

Вообще-то идея принадлежала лорду Фраю, но не скажу, что я долго сопротивлялась. Сразу прикинула, куда потом

можно будет пустить все лишнее, остановилась на сиротских домах и школах для девушек. Конечно, большинство нарядов придется перешить, но это не страшно.

Бумс!

Марисса сурово сдвинула брови, а вот уголки глаз Жерома подернулись сеточкой морщин. Он плотно сжимал губы и вообще старательно изображал серьезность и сосредоточенность. Горничные сохраняли нейтралитет.

– Осторожнее! – крикнула я. – Там снизу драгоценности, они очень хрупкие.

Лакеи грустно взглянули на меня и поплелись разгружать дальше, Анри же вихрем взлетел по лестнице, схватил за локоть и поволок в сторону спальни.

– Ненормальная.

– Жмот! – не осталась в долгу я.

Муж втащил меня в комнату и захлопнул дверь с оглушительным треском. Глаза его потемнели.

– Пьянство. Наряды. Драгоценности. Невнятные выходки. – Анри толкнул меня к стене, приблизился вплотную: жесткий, яростный, настоящий. Исходящая от него опасность грозила спалить дотла, но вопреки этому пальцы похолодели и слегка подрагивали, словно леденящая меня тьма рвалась в мир, чтобы затопить его целиком. – Серьезно, Тереза?

– Серьезно, – эхом повторила я. Голос сел, хрипловато и глухо вырывались слова, как хрустящий под ногами гра-

вий. – Когда вы уехали, я осталась одна. Один на один с той жизнью, которую вы мне показали. Поняла, что сойду с ума, если задержусь в Мортенхэйме… Вот только была одна маленькая проблема: графиня де Ларне могла уехать, леди Тереза Биго – нет.

От того, что я скажу, и как, сейчас зависело многое. Если не сказать все. А значит, нужно говорить правду. Только то, во что верю – верю настолько, что просто не смогу сфальшивить. Поэтому я выдирала со дна души боль, отчаяние, разочарование и бросала ему в лицо, как прошлогодние прелые листья. Воскрешать их оказалось не самой легкой задачей, но и я недаром некромаг. Переживания поднимались во мне, как могли бы подняться давно ушедшие на покой люди, лились сплошным потоком, чтобы вскоре снова укрыться саваном времени и раствориться под ним.

– Я приехала в Ольвиж, потому что он – сама жизнь. Хотела, чтобы все оставили меня в покое. Сказала об этом сразу, но вы не поверили. Притащили меня сюда и устроили допрос. – Спокойно встретила его взгляд и подвела черту. – Наряды – всего лишь глупый способ забыться, как и прочее. Можете оставить их себе, вместе с драгоценностями. Отдайте бумаги, граф, я их подпишу, и вы больше никогда обо мне не услышите.

Запястье дернуло, словно в него вонзились раскаленные крючья, я растерянно уставилась на браслет: беспечное сияние золота, ни единой черной искры. Показалось? Вскинула

глаза, но поздно, отпрянуть не успела – пальцы Анри издевательски-небрежно прошлись по моей щеке, жестко сомкнулись на подбородке.

– Ты создаешь слишком много проблем, Тереза. Лезешь туда, куда не следует.

Тут только я вспомнила, что забрали меня от дома графини д'Ортен. Это Мэри ему подсказала, или за мной следили?

– Вы о своей любовнице, которую одарили дворцом?

Я старалась, чтобы в голосе не осталось сарказма. Правда. Но уж как получилось.

– Для тебя это игрушки? – не вопрос, рычание.

– Чего вы так кипятитесь? Мне у нее не понравилось, я туда больше не пойду.

– О чем вы говорили с Евгенией?

С Евгенией? Как мило!

– Исключительно о вас! – Теперь уже рыкнула я. – Она так пыжилась, рассказывая про вашу трогательную дружбу, что у нее даже корсет лопнул. Уберите руку!

Анри разжал пальцы и медленно, точно от гремучей змеи, отступил.

– Я озвучил свои условия, и только тебе решать – принимать их, или нет.

– Думаете, сможете меня удержать? – Я вскинула брови.

– Не думаю. Знаю. Попробуешь сбежать – верну и посажу в клетку Каори. Жером не сторонник таких мер, но мне не откажет.

Я сжала кулаки, шагнула к нему.

– Попробуете это проделать – и я развею ваш дом по ветру.

Анри усмехнулся. Нехорошо так, недобро, с одним-единственным знанием: сила хэандаме в любую минуту способна выжечь из меня магию и превратить в слабосильную девчонку, способную только истерично кидаться в супруга предметами обстановки. Жаль, что из-за особенности мужа на него не подействует ни одно зелье, а то я бы ему тоже вручила… сонный платочек.

– Зови Мэри, приводи себя в порядок и спускайся. Марисса представит тебе прислугу.

Не сказав больше ни слова, он вышел. Я выждала несколько минут и выглянула в коридор: никого. Ключа в замке не обнаружилось, поэтому я прикинула, не протащить ли через всю комнату мягкое кресло, чтобы подпереть дверь – как-никак, а меры предосторожности. Впрочем, от этой идеи быстро отказалась: вряд ли ко мне кто-нибудь в ближайшее время заглянет, разве что Мэри, но ее я сумею быстро спровадить.

Устроившись на кровати, скрестила ноги и достала пирамидку, провела пальцами по граням и подставила тонкой пластинке ладонь. Поколебалась, но вспомнила бледного, как смерть, Винсента, несущего умирающую Луизу из оранжереи. Лави, сжимающую зубы от головной боли, которой ее наградило ментальное вмешательство лорд-канцлера. Бескровное лицо отца и монотонный голос священника. Шахматную доску, безликое «*Леди Тереза Биго*», написанное

красивым разборчивым почерком мужа, сухую биографию и разбор по косточкам – меня и всех, кто мне дорог. Вздохнула, поднесла передатчик к губам и прошептала:

– Де Ларне мне поверил, но запер в Лавуа. Вряд ли в ближайшее время смогу выбраться куда-нибудь, не нарвавшись на серьезные неприятности. Раджека предупредить не успела. – Помолчала и добавила. – В опере Руале появился с Евгенией Венуа, графиней д'Ортен, кузиной его величества Альтари II. Пока что не удалось выяснить, обладает ли она родовой магией, какой и насколько сильной.

И лично мне уже не удастся, потому что я порвала ей нижнее белье, а заодно и свою силу раскрыла. Не полную, разумеется, но отголоски некромагии уловить было можно. Гм. Живо представился заголовок внутриведомственного издания: «Леди Тереза Биго – позор шпионской элиты», и мой портрет, выставленный на всеобщее обозрение в холле Королевской службы безопасности. Справедливо рассудив, что сообщать о таком не стоит, я прикинула, не произошло ли еще что-нибудь интересного, но остальное решила благополучно опустить.

Пластинка нагрелась – самую капельку, то ли от разгоряченной ладони, то ли так действовала магия преобразования. Я поспешила втолкнуть ее в передатчик, надела серьги и, дожидаясь ответа, рассматривала комнату. Меньше, чем в Мортенхэйме, но просторная, за счет теплых оттенков. Вместо прикроватных тумбочек – невысокие круглые столики,

накрытые светлыми скатертями: нижняя – однотонная, кремовая, верхняя – сливочная с цветочным узором. В тон им кушетка в ногах, с кисточками как на шнурах для портьеры, на комоде белоснежные вязаные салфетки, все такое светлое и воздушное, что скорее подошло бы девочке.

Верхушка пирамидки едва уловимо засияла, я подставила ладонь и услышала: «Ни на минуту не сомневался в вашем успехе, леди Тереза. Раджек выйдет на вас сам. Не торопите события, отдыхайте. Такие дела быстро не делаются».

«Тебе бы так отдохнуть», – от души пожелала я, запихнула пластинку назад и водрузила передатчик на тумбочку: не помешает почаще напоминать себе о том, зачем я здесь. И надо бы уже выкинуть этот засохший отросток прошлого. Я подошла со шкатулкой к окну, взяла лунник, замахнулась… Представила, как его уносит ветер, а тонкая ниточка тьмы оставляет пепельный след – лишь на миг, чтобы развеять над прудом и ротондой, и осторожно положила обратно. Пора звать Мэри и знакомиться с новым домом. Точнее, с временным пристанищем, в котором я, похоже, обосновалась надолго.

11

Поместье было удивительно светлым даже изнутри. Много окон, много света, и теплые цвета в каждой комнате: их было достаточно, чтобы разместить пятьдесят гостей – ничтожно мало по сравнению с тем, сколько народу мог принять Мортенхэйм. Вчера за несколько часов я обошла все этажи, но не обнаружила ни одного портрета, только пейзажи – виды небольшого городка Ларне, морское побережье Лавуа, глухие деревушки Иньфая, каналы Лации, выжигающее солнце бескрайних пустынь Намийи. Сувениры с разных концов света: намийские ковры и пряности, посуда из лацианского стекла и роскошные маски, иньфайские болванчики и статуэтки удачи, бесценная фигурка из туанэйской сосны, люстра из загорского хрусталя – словно муж задался целью собрать под одной крышей весь мир. К слову о муже, он уехал вечером, даже не попрощавшись, чем несказанно облегчил мне жизнь – подобраться в его присутствии к кабинету не представлялось возможным. Я и сейчас не была уверена, смогу ли спокойно рыться в бумагах Анри, но дело за меня никто не сделает. Так что бесполезные сомнения вовсе ни к чему.

Прислуги было немало – горничные, конюхи, лакеи, садовник с помощником, а заправляли ими Марисса и Жером. Последний оказался приставлен ко мне, что выясни-

лось, когда я после завтрака решила отправиться на прогулку верхом. Он приблизился и сообщил, что должен меня сопровождать, чем сразу отбил всякое желание куда-то ехать. А стоило ступить под своды конюшни, откуда доносилось фырканье, ржание и хруст соломы, настроение испортилось окончательно. Вспомнились глаза Демона, когда я перед отъездом гладила его по морде – черные как ночь, глядящие прямо в душу, поэтому едва дошагав до первого денника и встретившись взглядом с рыжей кобылкой, я развернулась и пулей вылетела обратно.

– Миледи, – Жером догнал меня у самой тропинки, ведущей через небольшую рощицу в парк. Я ускорилась, но ему не составило труда подстроиться под мой шаг: крепкий, подтянутый и мускулистый, он вышагивал рядом, явно не собираясь ни отставать, ни оставлять меня в покое. – В Лигенбурге я вас не благодарил…

От неожиданности я остановилась, чудом не запнулась о невесть откуда выскочивший под носок камень. Развернулась и встретила серьезный взгляд светло-серых глаз.

– Вы спасли мне жизнь, но тогда я был на вас зол, как Верховный. Из-за графа, из-за Гийома… да и много из-за чего еще. Словом, простите меня. И спасибо.

– Не стоит.

Злиться было на что, это правда. Если бы я с самого начала все рассказала Анри, возможно, никто бы не пострадал. И я бы никогда не узнала, что нужна мужу лишь потому,

что интересна Симону. Из-за неуемной магии смерти, которой меня наградила кровь сильнейшего за все времена Новой эпохи некромага Дюхайма, моего предка.

– Вы из-за меня передумали выезжать?

Я покачала головой.

– Не только.

Жером провел рукой по коротким светлым волосам и кивнул, предлагая следовать дальше. Мы снова направились в сторону парка, но уже не так быстро. К счастью, потому что несмотря на утро осеннее солнце припекало слишком рьяно. Я украдкой бросила взгляд на своего сопровождающего и быстро отвела глаза: упорно рассматривала блестящий между деревьями пруд, гладь которого напоминала прозрачный шелк со вкраплениями золотых нитей, натянутый на ткацкий станок. Знай Жером, зачем я здесь, вряд ли бы благодарил. И уж тем более смотрел так, словно я стала его другом: внимательно, с искренним расположением. Дворецкий, камердинер и человек по особым поручениям графа де Ларне. Он защищал меня до последнего и умер бы, не успей я расплести «воронку силы», которую над ним возвел Эрик.

– Хотите, покажу вам дом?

Я хотела сказать, что прекрасно справлюсь сама, но почему-то кивнула в ответ.

– Где сейчас Гийом?

– В Ольвиже, – заметив мое изумление, Жером добавил: – Думал, граф вам рассказал.

Всенепременно. Граф очень любит рассказывать сказки. Современная проза не для него.

– Он теперь учится. В Ольвиже с этого года открылся Университет, в котором станут готовить целителей, не обладающих магией. Первый в мире. Его выпускники смогут быть не только аптекарями или помощниками.

От неожиданности я широко распахнула глаза: разумеется, высшие учебные заведения предназначались не только для магов, но о том, чтобы целителями становились обычные люди, раньше и речи не шло. Они помогали во время сложных операций, работали в аптеках, занимались перевязками и прочей подсобной работой, для которой не требовался магический дар.

– Проект Клода Эрме. Хороший человек, аптекарь, всю жизнь положил на то, чтобы помогать больным, в том числе и нуждающимся. В интервью на страницах «Ольвижского вестника» рассказывал о том, что всю жизнь мечтал стать целителем, но не получилось. Теперь будет преподавать на факультете аптекарского дела и лекарственных практик.

– Простой аптекарь… открыл Университет?

– Хотелось бы. – Жером скривился. – Разумеется, все произошло при участии герцога де ла Мера.

Та-ак. Кажется, тема Симона Эльгера не запретная, уже хорошо. Или это только пока Анри не слышит?

– Не понимаю, – мы вышли к пруду, обогнули его и зашагали в сторону ротонды и дома по вычищенной аллее, на ко-

торую еще не успело упасть ни единого листика. Помощник садовника подметал соседнюю, но даже не взглянул в нашу сторону. – Зачем развивать то, что ему ненавистно?

– Чтобы вызвать недовольство. Основной скандал по этому поводу пришелся как раз на время, когда вы отдыхали у океана.

– Но это же не за один день делается.

– Верно. Эрме внес предложение лет семь назад, газетчики тогда пошумели, высший свет такое даже всерьез не принял. А в этом году все произошло быстро, за несколько месяцев: указ подписали, набрали преподавателей, пригласили талантливых выпускников школ – не только мужчин, но и женщин… И все это так быстро и тихо, что на момент открытия Вэлею знатно потрепало от такой новости. Вы не успели в свете покрутиться – такого бы наслушались, что мало не покажется. Строили-то здания для крупнейшей целительской клиники, самой большой в стране, если не в мире. А тут такое… Территория там огромная, а клиники теперь будут при Университете.

И правда, с месяц назад курортный городок бултыхало от какой-то новости, как зазевавшуюся медузу, попавшую под весло прогулочной лодки. Правда, я была настолько погружена в собственный мир, что ни одной газеты за это время не прочитала и вообще смутно замечала, что творится вокруг.

– Но как?

– Видимо, кто-то убедил его величество, что это необхо-

димо, только вот действовать стоит осторожно, не поднимая шума заранее. Кто-то, кому он очень доверяет. И уж точно сделали это не за один день и даже не за год.

Жером криво усмехнулся, а меня обожгло внезапной догадкой. Может ли графиня д'Ортен иметь отношение к Лиге? Лорд Фрай рассказывал, что они выбирают сильнейших магов, имеющих непосредственное отношение к власти. В Энгерии для них работал сам лорд-канцлер, но… кузина его величества? Неужели такое возможно? По спине пробежал холодок: если это правда, становится понятно, почему Анри так взбесился, почему привез меня сюда и устроил допрос с пристрастием.

Ой.

Я. Щелкнула. По носу. Дамочку из… Лиги. Хотя могла не просто войти в высший свет Вэлеи, но и спокойно подобраться к Симону, минуя Анри.

Да-а-а, точно позор шпионской элиты.

– Интересно, кто бы это мог быть?

Жером пожал плечами. Не сомневаюсь, что знает – он в курсе всех дел Анри, но спрашивать его напрямую было бы чересчур опрометчиво. Одно дело – праздный интерес, другое – прицельные расспросы. Лучше выждать время и выбрать удобный момент, а до того… ругать себя последними словами за недальновидность. Прав был Ивар, когда говорил, что мешать личное и работу недопустимо. В итоге с Евгенией я прокололась так, что мало не покажется. Ну что, для

полного счастья осталось выразительно побиться головой о ближайшее дерево.

– Не знала, что Гийом хотел стать целителем.

– С детства, – мы прошли мимо ротонды, завернули за угол и направились к распахнутым настежь дверям, – правда, долгие годы он считал, что его мечта так мечтой и останется. Ни дара, ни средств на обучение.

– Анри… его обучение оплатил граф?

Жером поймал кружащийся лист и вручил его мне. Подмигнул и отступил в сторону, чтобы пропустить в дом. Мы прошлись по первому этажу: музыкального салона здесь не оказалось, зато была просторная комната в кофейных тонах. Я уже обращала внимание, что в Вэлее отдают предпочтение неброским узорам, но здесь все смотрелось крайне строго. В центре на паркете устроился длинный овальный стол, затянутый бордовым сукном, окна занавешены плотными портьерами, из украшений – только лепнина под потолком, камин из темного мрамора и подсвечники на стенах. Даже часов нет – вот странно-то!

– Игровая зала.

– Для игры в карты, – догадалась я.

Он кивнул.

– Граф не сторонник принимать гостей, но иногда приходится.

Ну еще бы. Хотя для приема герцога де ла Мера слишком простенько.

– И часто у него бывают гости?

– Раз в два-три месяца.

Хорошо. Значит, больше трех месяцев ждать Симона не придется.

Жером смотрел на меня как-то слишком пристально, поэтому поспешила сменить тему.

– И что же, женщины тоже играют?

– Еще как. Некоторые дадут фору даже самым искушенным господам.

В случае с картами это точно не про меня.

Жером поймал мой взгляд, улыбнулся.

– Если хотите, я вас научу.

Что-то в последнее время все и каждый озаботились моим образованием на самые разные темы. Впрочем…

– Почему бы и нет. Это мне разрешается?

– А что вам запрещается, миледи? – вот теперь он нахмурился. Свел густые светлые брови и смотрел на меня так, словно я сказала нечто несуразное.

– Выезжать в одиночестве, например.

– Ради вашей же безопасности.

Ну разумеется. Исключительно и только, на деле же – чтобы я не сбежала и не устроила Анри очередную головную боль, пока он так стремится к своей цели. Кстати, о головной боли… надо бы придумать нечто занятное, чтобы мое пребывание здесь не выглядело как вдохновляюще-умиротворенная загородная прогулка. А то что-то я совсем рассла-

билась.

Жером открыл дверь, выпуская меня в просторный, залитый светом коридор.

– Граф уехал надолго?

– На неделю.

Неделя передышки – не так уж и плохо. За это время что-нибудь придумается обязательно. Главное, выдержать образ. Когда собиралась в Вэлею, обо мне рассказали столько всего интересного, о чем я раньше даже не догадывалась. Оказывается, у женщин в Энгерии вырабатывается поведенческая схема, согласно которой, даже оказавшись в другой стране, они будут придерживаться заложенных в них основ воспитания. В частности, подчинение мужчине для меня – нормально, и то, что я должна была позволить Анри меня забрать – тоже. Слушая лорда Фрая, я всерьез подумывала над тем, чтобы в прямом смысле испепелить под ним стул и посмотреть, как он объяснит сей жест с точки зрения поведенческой схемы, но тут к нему заглянула блондинка: сухопарая, худощавая с вытянутыми непроницаемым лицом, и все испортила. А жаль.

Библиотеку мне показали мельком – Жером прекрасно понимал, что сюда я еще наведаюсь, и не раз. Зато следующая зала, в которую меня провели, представляла собой нечто среднее между оружейной и музеем. Кинжалы. Стилеты. Мечи и сабли. Рапиры. Внимание привлек иньфайский меч, который раньше я видела только на картинках – длин-

ный, едва изогнутый, с выбитыми на рукоятке иероглифами. Он находился в центре комнаты, на подставке. Шиинхэ – кажется, так он называется, если не ошибаюсь. Как завороженная, я смотрела на играющее солнцем лезвие. Ничем не уступающее заточке кардонийской стали.

Острое. Смертоносное. Беспощадное. И прекрасное.

– Граф умеет с ним управляться? – слова вырвались раньше, чем я успела их остановить. Почему-то казалось, что это не просто оружие – по крайней мере, не такое безликое, как остальное. Мне уже доводилось видеть, как Анри управляется с ножом, но представить его с шиинхэ… Даже голова закружилась.

– Да. Это подарок. Он расскажет, если попросите.

Сомневаюсь.

– Пойдемте, миледи. – Жером насупился, словно случайно перешел черту, невидимую мне, но ему понятную. – Столовую вы уже видели, гостиные тоже. Бальная зала занимает большую часть правого крыла.

Я промолчала, шагая за ним по коридору сквозь свет и тени от рам, располосовавшие пол сквозь высокие окна.

– Этот дом совсем молодой. Отстроен всего лет семь как.

Оно чувствуется. Слишком светлый, легкий… и пустой. Никаких призраков, в том числе призраков прошлого. И никакой надежды на будущее, словно постоялый двор, который непременно захочется покинуть со временем.

– Почему граф выбрал именно это место?

Камердинер пристально посмотрел на меня, словно прикидывая, отвечать ли. Но потом все-таки произнес:

– А заложен двадцать три года назад. Сюда собирались переехать его родители.

12

Вчера наша откровенность с Жеромом зашла слишком далеко. Я не готова была узнавать Анри заново, я вообще не хотела ничего о нем знать, но здесь каждая комната отражала его жизнь: опасную игру, постоянные разъезды и редкие встречи с теми, к кому мне предстояло подобраться.

Я облазила дом вдоль и поперек и обнаружила даже склад садового инвентаря, продуктовые запасы и прочую хозяйственную чепуху, не представляющую ни малейшего интереса. А вот кабинет мужа оказался закрыт. Пришлось на глаз вычислять, куда выходят окна и идти в обход – что, впрочем, тоже оказалось лишено смысла: они были надежно заперты изнутри. Больше того, на них стояли защитные заклинания, равно как и на двери. И ведь не обычные, заразы, сигнальные! Попробую войти – сработает следящий артефакт, попытаюсь расплести защиту – та же картина.

Вот гадство!

Как искать подтверждение причастности графини д'Ортен к Лиге? Как вообще работать в таких условиях?

Впрочем, к обеду я выяснила, что это полбеды: за мной следили или, точнее, не выпускали из виду. Стоило оказаться в какой-нибудь комнате, кроме спальни, как рядом тут же появлялась горничная со срочным заданием начистить подсвечники, декоративную посуду, светильники, протереть ка-

мин или просто смахнуть пыль с мебели. Ради интереса попробовала сменить библиотеку на гостиную, а потом прогуляться в игровую комнату, но за мной ходили по пятам. Горничные, правда, были разные, объединяла их только жажда чистоты, и… мое присутствие. Если вчера я не обращала на это внимания, то сегодня все стало очевидным. Опасались, что попытаюсь сбежать или снова полезу, куда не следует, и найду что-нибудь интересное? Желание отправиться к Жерому и закатить скандал, каких свет не видывал, росло и крепло с каждой минутой. Пока удавалось сдержаться и то исключительно потому, что камердинер был здесь не при чем. А еще я как всегда потерялась в книгах.

Здешняя библиотека уступала библиотеке брата в Мортенхэйме – ощутимо меньше, всего два уровня, но собранные здесь книги оказались принципиально иными. Во-первых, они были написаны на разных языках: от древнего арнейского до иньфайского. Труды, которые мой муж привозил изо всех стран, и – что-то мне подсказывало – мог читать в оригинале. Я всегда гордилась знанием арнейского, вэлейского и даже капельку маэлонского – по сравнению с тем, что знали леди в Энгерии это было что-то из ряда вон, но перебирая все стоящие на полках труды, поняла, что не знаю ровным счетом ничего. Ну или такую капельку, которая просто потеряется в языковом море.

А во-вторых, здесь почти не было трудов по магии, все древние записи относились либо к философии, либо к ис-

тории – древней и новой, мировой и каждого государства в отдельности. Много современных книг про оружие и научных трудов, фантастика о совмещении магии и технологий… Хотя после пирамидки Фрая я смотрела на такие книги более уважительно. Из художественной литературы – отдельный стеллаж с поэзией эпохи Рассвета, классикой и набирающими популярность пьесами Лиара Римена. Горничная увлеченно натирала столы, а я не менее увлеченно искала то, что могло бы пригодиться. И нашла: двухтомник, посвященный порядку заключения брачных договоров армалов, а заодно классификации брачных узоров и силе их проявления.

Стянув оба тома с полки и чудом не навернувшись с новенькой гладкой лестницы, уточнила, не стоят ли на книгах защитные заклинания. Получив отрицательный ответ, захватила с собой и направилась в спальню: по крайней мере, там я могла спокойно побыть в одиночестве. Ну, или с изредка навещающим меня Кошмаром – у него каждый день шли ожесточенные бои за территорию. В поместье обитало несколько кошек, отвечавших за отлов мышей и крыс, к которым из ближайшей деревеньки наведывались пушистые джентльмены. Вот и приходилось отвоевывать дам и новые земли, из-за чего он ходил то с драным ухом, то зализывал лапу. Но неизменно с таким гордым видом, что сразу становилось понятно, кто победил.

Мечте не суждено было сбыться: не успела дойти до лестницы, как подбежала очередная горничная, Натали, и со-

общила, что в гостиной меня дожидается месье Раджек. Я искренне обрадовалась, что обещание Фрая не затянулось до бесконечности, поэтому поспешила туда. Со дна души поднялся странный детский восторг: возможно, потому, что только рядом с Иваром я могла раскрыться по-настоящему. А может, просто была рада его видеть.

В Энгерии гостю предложили бы чай, но здесь по гостиной тянулся аромат кофе. Бодрящий, будоражащий: не спасали даже приторные нотки ванили и резкий лавандовый запах, который здесь был повсюду. Как мне объяснили, сушеная лаванда подкладывается под окна, чтобы всякая местная гадость не лезла в дом. Когда поинтересовалась, какая именно гадость, поняла, что готова терпеть запах мужа круглые сутки, лишь бы однажды не проснуться в постели с гренуэрским скорпионом. Главное, чтобы эта дрянь не тяпнула Кошмара, который любит охотиться на все, что ползает, летает, прыгает или передвигается как-нибудь еще.

Ивар устроился в кресле и, увидев меня, поднялся. Широко улыбнулся – я хотела бы верить, что тоже искренне, шагнул вперед и поцеловал руку. С таким примерно-восторженным видом, что мне пришлось закусить губу, чтобы не рассмеяться.

– Скажите, что вы соскучились, – попросила я.

– Лучше скажу, что без вас в Ольвиже стало невыносимо скучно.

Я фыркнула, отложила книги.

– Разве это не одно и то же?

Ивар покачал головой.

– Вижу, вы передумали разводиться. Мудрое решение.

Я вздохнула. Хотела промолчать – очень уж приятно было оставаться мудрой в его глазах, но потом все-таки вкратце пересказала встречу с Евгенией и чем она закончилась. Ивар уже привычно не изменился в лице, только головой покачал:

– Умеете вы нажить влиятельных врагов.

– Мне стыдно, – честно призналась я. – А еще теперь я застряла здесь.

– Вы умничка, Тереза. Подняли волну высотой с двухэтажный дом.

А? Он сказал: «Умничка»?

Мы расположились: я – по праву хозяйки на диване, он вернулся в кресло.

– В свете только и говорят о супругах де Ларне, которые собирались разводиться, но почему-то вместе уехали в Лавуа.

М-да, общество и впрямь везде одинаково. Надеюсь, даже часть этих слухов не доберется до Лигенбурга, в противном случае придется многое объяснять Винсенту.

– Все делают ставки, чем же закончится эта история. Особенно после того, как граф появился с кузиной его величества, а вы ушли со мной.

Я хмыкнула.

– И вы приехали, чтобы ставки поднять?

– С чего вы взяли?

– Ну, если бы вы просто хотели о чем-то мне сообщить, прислали бы голубя и записку с закорючками, напоминающими наскальную живопись домагической эпохи.

Ивар подпер подбородок пальцами, уголки его губ дрогнули.

– Продолжайте, мне интересен ход ваших мыслей.

– А спустя пару дней – специально обученную ящерицу с расшифровкой.

Он покачал головой, рассмеялся.

– Тереза, какой из вас секретный агент?

– Никакой, в этом-то и вся моя прелесть.

– Ловите на лету, – по-прежнему улыбаясь, добавил: – Рад вас видеть. Помимо прочего.

С трудом удержала улыбку:

– А я вас – нет.

– Вот как. Пройдемся?

– Как же ваш кофе?

– Местной горечи с меня хватит лет на десять вперед, – он покачал головой и признался. – Терпеть его не могу.

Ну хоть что-то у нас общее. Что-то человеческое, не считая пагубной привязки к лорду Фраю. Внезапно захотелось спросить, как же его так угораздило, но наши отношения еще не подразумевали такой близости. Поэтому мы просто молча вышли из гостиной, так же молча прошли через холл и направились к дверям.

– У меня проблема, – доверительным шепотом сообщила я.

– Понял, – в тон мне негромко ответил Ивар. – А почему шепотом?

– Чтобы не услышали.

– Практика показывает, что на шепот уши настраиваются быстрее, чем на самые громкие вопли. Так что за проблема?

– Не могу попасть в кабинет мужа. Там понаставлено защитных заклинаний, которые скорее всего зациклены на артефакте…

– Знаете, куда выходят окна?

Я кивнула.

– Ведите.

Неспешным шагом мы вышли на улицу и прогулялись к другому крылу, куда я наведывалась утром. В руках Ивара сверкнул портсигар, который оказался… чем угодно, только не портсигаром. По серебристой крышке бежали странные линии, сплетающиеся в узелки, закрученные друг на друге самым мудреным образом. Отражение защитного плетения, обычные узелки светились темно-коричневым, но парочка мерцала багряно-алым.

– Вот они, ваши сигнальные точки.

На что-то осмысленное меня не хватило, поэтому я просто таращилась на портсигар.

– Та засада в плетении, которая мешает вам взломать защиту и подаст сигнал на артефакт, если ее зацепить. Не силь-

но заморочено, но неприятно. Чтобы войти незамеченной, понадобится не совсем обычное зеркало и магический слепок.

Положим, что такое магический слепок, я знаю: точная копия заклинания, накинутая поверх первого, но не активированная. До поры до времени. Но… в случае с зеркалом меня просто смутило пояснение «не совсем обычное». Самую капельку.

– Зеркало, которое поглотит сигналы узлов и не позволит артефакту обнаружить ваше присутствие.

О да, сейчас мне стало легче. Вот прямо на этом самом месте.

– Я сделаю его для вас, – Ивар ослепительно улыбнулся. – Не за один день, разумеется. И такую штуковину тоже. Думаю, вам подойдет карманное зеркальце. Хотите розовое?

– Ага. С радугой и леденцами, – мрачно заметила я.

– Понял. Сделаем сиреневое, – Раджек захлопнул портсигар, предложил мне руку. – С костями и черепом. Пойдемте, а то дворецкий на нас и так уже странно косится.

Я даже не обернулась, приняла предложенный локоть и направилась вместе с Иваром по дорожке к виднеющемуся вдалеке мостику. Изначально думала о том, чтобы свернуть к ротонде и в парк, но само собой получилось, что ноги увели в другую сторону. Хотелось спросить, откуда Ивар столько знает про защитные заклинания и взломы, а заодно и о том, как собирается делать для меня зеркало и считывающее

плетения непонятно что, но я упорно держалась. Мы работаем вместе, ничего кроме. Пусть так оно и останется.

– Я остановился в гостинице на центральной улице Ларне. На первом этаже дома таверна «У Ариты». Если понадоблюсь, дайте знать лорду Фраю. Мы с вами сможем видеться, когда пожелаете и сколько пожелаете.

Городок неподалеку от поместья, но…

– Вряд ли это будет так просто.

Под испытующим взглядом Ивара пожала плечами.

– Он мне не доверяет. Меня даже на конную прогулку не отпустят без сопровождения.

– Придется выкручиваться. У нас же с вами трепетная дружба в самом разгаре.

– Что вы себе позволяете? – возмутилась я. Больше для вида.

– Все подряд, – невозмутимо отозвался он и взял меня за руку. Отнимать ее я не стала.

С одной стороны раскинулось поле, за которым виднелись виноградники, с другой – рощица. В насыщенную темную зелень уже вплетались золото и даже багрянец. Каменный мостик, который я теперь получила возможность рассмотреть получше, соединял два берега… ручья. Иначе назвать эту крохотную речку язык не поворачивался. В прозрачной воде изредка мелькала рыбешка, самые наглые взмывали ввысь, сверкнув на солнце блестящей чешуей, чтобы тут же снова скрыться в прозрачной глубине. А вот сам мост был основа-

тельный: не очень высокий, но мощный, с одной аркой, способной удержать бурную горную реку. Выгоревший гладкий мозаичный камень под ногами превратился в линялые желтые лоскутки, но очарования своего не утратил. Мне вообще здесь на удивление нравилось. Все, кроме…

– Иногда начинает казаться, что для меня это слишком, – призналась я, когда мы спустились на другом берегу. Гравий закончился, началась дорожная пыль: светло-серая, с запахом прогретой солнцем земли. – Я жила в совсем другом мире.

– Но вы согласились и приехали сюда, Тереза. А этому миру, честно говоря, без разницы, где вы жили раньше. Дадите слабину – он вас сожрет с потрохами. И не подавится.

Он говорил жестко, но на меня не смотрел – только вперед. Почему-то показалось, что говорили это не только мне, а еще я прекрасно понимала, что он прав. Можно было отсидеться в Мортенхэйме до тех пор, пока не грянет гром, но я решила иначе. А это значит, что все «не могу» нужно оставить за плечами. Вместе с уймой принципов, гордостью и много чем еще. Осознание этого в который раз за последние несколько дней, нахлынуло мощной волной, но с ног больше не сбило. Просто я вовремя развернулась к ней лицом.

– Агенты под прикрытием работают годами и полностью погружаются в легенду. Я бы сказал, становятся ей. Никаких погонь и перестрелок, только монотонная рутинная работа. От этого не менее опасная.

Мог бы не рассказывать. Живое доказательство тому – Анри Феро.

– Сойдем с дороги? – предложил Ивар.

Мы сошли. Высокая трава путалась в складках платья, или платье путалось в ней. А солнце путалось в его волосах, делая их похожими на медь. Внезапно отчаянно захотелось потянуться к ним пальцами, запутаться, перебирать и чувствовать текущее с неба тепло, впитывающееся в кожу. Короткий сладкий самообман еще никому не приносил счастья, но между нами изначально не могло быть ничего серьезного, в этом-то и вся прелесть. А главное, между нами изначально не было лжи.

Дом отсюда казался маленьким, почти игрушечным, и все, что осталось за пределами ржаво-медового под кистью заката поля, казалось ненастоящим.

– Я родился в Загорье. Сын владельца прииска, но не князя. Редкость для нашей страны, большинство богатейших шахт принадлежат аристократам. – Я угадала происхождение по его фамилии, но о таком и помыслить не могла. – С детской любознательностью увлекался механизмами… а точнее, механизмами замков и их вскрытием. Мне нравилось лезть, куда не просят, а поскольку рос я в большом доме отца, залезть было можно много куда. Для меня это стало почти искусством. Потом отца вынудили продать шахты, и мама выбрала другого мужчину, более надежного.

Мы углублялись все дальше и дальше от дороги. Ближай-

шая лента уже давно потерялась за травой, обводная, ведущая к виноградникам, казалась совсем узкой.

– А я занялся добычей драгоценных камней. Несколько в ином ключе.

От того, как легко он раскрывал свое прошлое, становилось не по себе. Зато ответил на незаданный вопрос про защитные заклинания.

– Я ездил по всему миру, брался за заказы, от которых отказывались многие профессионалы. Потом встретил Моник, мы начали работать вместе. Однажды к нам поступило шикарное предложение, на первый взгляд ничего необычного. Только в сейфе оказались не драгоценности, а документы. Опасные документы, из-за которых мы стали мишенью. Так я познакомился с лордом Фраем.

И на вопрос про лорда Фрая.

– А Моник? – почему-то спросила я.

При таком свете из его глаз ушла вся серость. С их цветом только небо могло посоперничать.

– Благодаря ей я и познакомился с лордом Фраем, – уточнил он, – не знаю, где она сейчас. Но это и неважно.

Ивар улыбался, словно мы только что обсудили забавную светскую сплетню, но я все равно чувствовала себя подглядевшей в замочную скважину девчонкой. Солнце заключило нас в золотой кокон, но вопреки этому я вдруг заледенела. Сначала закололо пальцы, словно их опустили в прорубь, потом мороз побежал по телу, а следом изнутри плеснуло ди-

кой болью, точно раскаленный стержень пронзил насквозь. Я остановилась – резко, но Ивар заметил: подхватил за талию, встревоженно вглядываясь в лицо.

– Тереза?

– Все в порядке, – вытолкнула сквозь сжатые зубы, – сейчас…

Но сейчас не случилось: боль шла по нарастающей, словно в меня насыпали битого льда, который кромсал изнутри.

– Тереза, что с вашими глазами?

Воздух стал вязким, перед глазами полыхнула грань. А за ней – и глубинная тьма, превратившая пейзаж в обугленное извращенное подобие привычного мира. Я вцепилась в запястье Ивара и тут же отдернула руку – тьма чудом не выплеснулась на него. Что это еще, демоны раздери, такое? Сжала пальцы, замыкая холод смерти внутри, отрезая его от мира, и боль замельтешила перед глазами алыми всполохами. Я рухнула на руки Ивара – чтобы увидеть ослепительно-яркое солнце, падающее на лес – и потерять сознание.

13

Чем еще заняться, когда тебя кидает то в жар, то в холод, а при малейшей попытке подняться кидает обратно на кровать? Читать, разумеется. «Моя Амелия» – так назывался новый роман Миллес Даскер, который я купила перед отъездом из Энгерии, но к которому так и не притронулась. Както не до того было. Зато сейчас книга пошла хорошо: дочь графа, свободолюбивая дальше некуда, должна вот-вот выйти замуж за ужасного негодяя. Ее отец смотрит на будущего зятя сквозь пальцы, потому что тот безмерно богат, а они почти разорены. На последнем балу сезона Амелия встречает мужчину, после долгих странствий вернувшегося на родину. Этот человек замкнут, холоден и жёсток, как убитый временем матрац, но совершенно точно растает от ее невероятного обаяния. Конечно же, поначалу они станут изводить друг друга, потом он поймет, какое счастье ему досталось, и в конце у них все будет замечательно до сахарно-зубовного скрежета…

Мне почему-то стало стыдно. Настолько, что даже книгу отложила.

Кажется, я становлюсь циничной, старой… уже не девой.

Надо бы попробовать встать что ли. Чем Верховный не шутит, может, мне уже получше?

Получше было сомнительно, но сейчас хотя бы не шатало,

и я все-таки дотащилась до зеркала. М-да, страшнее было только после нападения Эрика. И то еще, это как посмотреть. В Энгерии леди полагается быть аристократически бледной, но не настолько же: еще чуть-чуть, и я просвечивать начну, представляя на всеобщее обозрение подробности анатомии. Вглядывалась в отражение, отмечая проступившие под кожей сосуды, когда глаза заволокло смоляной тьмой: стремительно, как под порывами ветра грозовые тучи набегают на небо. От неожиданности отпрянула, не веря увиденному.

– Миледи. – Дверь приоткрылась, в комнату скользнула Мэри, и я еле успела отвернуться. – Скоро обед. Марисса спрашивает, вы спуститесь в столовую или подать вам в комнату?

При одной мысли о том, что нужно что-то проглотить, желудок сжался, а перед глазами потемнело. Хотя может, потемнело от чего-то еще – я не уточняла, просто снова бросило в дрожь, а тело пронзила такая острая боль, что я прикусила губу до крови и вцепилась в спинку стула. Слава Всевидящему, завтрак благополучно проспала, потому что ночью снова стало плохо: внутренности будто вымочили в ледяной воде и скручивали в тугой узел, я выла в подушку и мечтала только о том, чтобы потерять сознание. Но видимо предел обмороков исчерпала вчера, когда пришла в себя на руках у Ивара, прямо в поле. Отговорилась тем, что со мной такое иногда бывает… и он, кажется, даже поверил. Или решил не уточнять: благо что я женщина.

Вот только что произошло на самом деле? Когда второй раз скрутило в рогалик, я первым делом подумала об Анри, но спустя несколько запоминающихся часов вымерзания изнутри решительно отмела эту версию. В прошлый раз у меня точно такого не было, просто дергало браслет. Предположим даже, что наша связь самую капельку усилилась, но если мужу плохо, при чем тут магия смерти?

Украдкой взглянула в зеркало: глаза уже были нормальными. Выдохнула, повернулась к Мэри.

– Пожалуй, лучше спущусь.

Что толку сидеть в комнате и предаваться невеселым мыслям? Так хоть отвлечься получится ненадолго. К тому же, я еще с Жеромом собиралась поговорить, по поводу постоянного сопровождения.

– Как вы себя чувствуете?

– Не очень, – лгать не стала, потому что видела себя в зеркале. Золото браслета померкло, вплетающиеся в него черные прожилки жгли кожу.

Мэри понимающе вздохнула – для всех я отлеживалась по причине женского недуга. На самом деле мне было по-настоящему страшно: вчера я едва не выпустила в мир глубинную тьму, едва перехватила нити, когда они потянулись к Ивару. Случись ей его коснуться, выпила бы на месте. А если бы прорвалась дальше, уничтожила бы все живое, до чего дотянулась. Обошлось, но что же все-таки произошло? Ведь я умела контролировать магию, училась этому с детства. Да

и во время «отдыха» на океане постоянно ныряла за грань, чтобы совершенствовать боевые заклинания и ловушки, но ничего такого не случалось.

– Может, все-таки позвать целителя?

– Не стоит. – Не хватало еще, чтобы целитель почувствовал уровень моей силы и догадался, что она почти вырвалась из-под контроля. – Лучше помоги одеться.

Если буду продолжать отлеживаться и думать то, что думается, легче мне от этого не станет. А вот свежий воздух очень даже может помочь. Или книги, хотя в доме мужа не наблюдается ничего толкового. Как же мне сейчас не хватает родной библиотеки – там наверняка нашлось бы что-нибудь, чтобы я могла разобраться в случившемся. Ладно, справедливости ради, забытый в гостиной двухтомник меня заинтриговал. В Мортенхэйме такого не было.

Устроившись за невысоким туалетным столиком с резными ножками, честно старалась сидеть прямо, пока Мэри делала из призрака леди. Что-то получилось, что-то не очень, но затянутый туго корсет мигом привел в чувство, заставил встрепенуться. Всегда справлялась, и сейчас справлюсь: наверное, просто так совпало. Стало плохо, голова закружилась, а тьма почувствовала слабину и устремилась в мир, заодно потянула из меня силы. Оставалось только надеяться, что приступ больше не повторится.

– Передай Жерому, что я приглашаю его присоединиться ко мне за обедом. Пусть устроит так, чтобы нас не беспоко-

или, тогда никто ничего не узнает. – Мэри как раз заканчивала с прической, рука у нее сорвалась, непослушная прядь воспользовалась этим и мигом скользнула на шею.

– Простите, миледи.

Матушка рухнула бы в приторный обморок, если бы я позвала за стол Барнса. Обедать с прислугой – ужас, моветон, конец света – на выбор, но здесь обмороки вроде никому не грозят. Или грозят? Я вгляделась в лицо камеристки: Мэри подхватила выбившиеся из прически волосы и вернулась к своему занятию. Судя по тому, как стремительно ее лицо заливала краска, вряд ли это имело отношение к изъянам в моем воспитании. Пронзительно светлокожая, как большинство белокурых особ, она вспыхнула от корней волос, шея под белоснежным воротником пошла красными пятнами.

– Все хорошо?

– Все в порядке, миледи.

Мэри прятала взгляд, я же упорно пыталась его поймать. Камеристка была безукоризненно пунктуальна, исполнительна и аккуратна. Меня поразили ее преданность и отвага – после того, что нам пришлось пережить вместе во время нападения Эрика, она отказалась просить расчет и согласилась остаться со мной. Но когда речь заходила о Жероме, с ней творилось что-то невероятное: все валилось из рук, разве что заикаться не начинала… и, гм… началось это как раз после того, как он спас ей жизнь, а Мэри за ним ухаживала.

Ой.

Наверное, если бы я поменьше думала о задании, то заметила бы гораздо раньше. Зато теперь становилось понятно, почему камеристка с такой радостью приняла новость о переезде в Вэлею.

Вот только романа между этими двумя еще не хватало для полного счастья.

Теперь уже я вцепилась в ее лицо взглядом, как пиранья в ногу неосторожного купальщика, но Мэри уже пришла в себя: с независимым видом закрепила волосы и отступила назад, любуясь высоко поднятыми локонами, прикрывающими шею. Не спрашивать же было напрямую, поэтому я просто поблагодарила и спустилась вниз – гораздо медленнее, повторяя свой путь ледяной ладонью то по стеночке, то по перилам. Временами начинало казаться, что пол вот-вот уйдет из-под ног, а перед глазами мелькали спутанные вязкие нити глубинной тьмы. Тогда я останавливалась, выравнивала дыхание и двигалась дальше. До тех пор, пока не доползла до столовой, чтобы в дверях столкнуться с Мариссой.

Экономка окинула меня ледяным взглядом – я не вмерзла в пол только по счастливой случайности. Впрочем, по сравнению со вчерашним, когда Ивар на руках втащил меня в дом, это был мягкий взгляд, исполненный дружелюбия. И, не побоюсь, этого слова, любви.

– Добрый день, графиня.

Судя по ее интонациям, день уродился не просто злым, а прямо-таки озверевшим.

– Добрый день, мадам Ильез.

Она подхватила юбки и собиралась было пройти мимо, но я преградила ей путь. Такие вопросы лучше решать сразу, пока они не перезрели и не свалились тебе на голову. Больно не будет, а вот обтекать придется.

– Чем я вам не угодила?

– Я вас не понимаю.

Взгляд держит – в упор, прямой, сильный, но губы плотно сжаты. Так же, как и пальцы на платье.

– Все вы прекрасно понимаете, Марисса. С самого первого дня в этом доме вы смотрите на меня, как на врага.

Круглое и добродушное в общем-то лицо дернулось, уголок губ пополз наверх, крылья носа задрожали, но потом она взяла себя в руки.

– Хотите знать? Замечательно. Вы жестокая женщина. Жестокая и неблагодарная.

Приплыли. На лодочке, сквозь камыши, под кваканье лягушек.

– Из-за вас граф вернулся другим человеком. Из-за вас он превратился в собственную тень. Но вам и этого показалось мало – вы никак не успокоитесь. Устроили скандал в столице, а теперь принимаете ухажера прямо в доме!

Если бы было куда сесть, я бы села. И попутно рассказала ей о том, что граф вернулся таким, потому что поломались все его долго вынашиваемые и тщательно оберегаемые планы, что это он приволок в оперу небесную вдовушку, а за-

одно объяснила бы, что с Иваром нас не связывает ничего, кроме человека, о котором даже вспоминать неприятно. Как здорово было бы рассказать обо всем, но разумеется, такой роскоши я себе позволить не могла. Поэтому просто вздернула голову и холодно – еще холоднее, чем сейчас было внутри, ответила:

– Вы забываетесь.

– Может быть, – теперь мадам Ильез уже не сдерживалась, – можете меня уволить, потому что теперь вы здесь вроде как хозяйка. Но моего мнения это не изменит. Позвольте пройти!

Она не толкнула меня только потому, что я вовремя отступила в сторону, пронеслась быстрее «Стрелы Загорья» мимо крохотной станции и скрылась за поворотом. Я подавила детское желание показать ей вслед язык, потерла снова начинающие ныть виски и шагнула в столовую, где с облегчением рухнула на любезно отодвинутый Жеромом стул. От запахов специй, пряностей и густого наваристого бульона затошнило, но я все-таки подвинула к себе супницу и открыла крышку.

– Заприте дверь.

Нужно было начинать очередной «приятный» разговор, но я не знала, с чего. В голове мутилось, пальцы снова стали ледяными и дрожали. Взгляд метнулся от легких голубых портьер по штофной отделке стен, от диванчика к столику у окна, бессмысленно скользнул по подсвечникам, букети-

ку аламьены в вазе, и снова уткнулся в тарелку. Она двигалась. То есть плавала – в густом скользком тумане. Туда-сюда. Вместе с приборами и салфеткой.

Надеюсь, эта попытка геройства не обойдется мне слишком дорого.

– Мэри сказала, вы хотели меня видеть?

Жером ждал, поэтому я зачерпнула суп и поднесла ложку к губам. Мы приступили к обеду, точнее, приступил он. Похоже, совсем не смущаясь такому вниманию. Я же смотрела на блюдо с морковкой, окруженной луковыми колечками, и запеченный с чесноком хлеб. Тело мелко дрожало, точно меня захлестнуло «мертвой удавкой».

– Я хочу знать, почему за мной следят.

Жером замер и потемнел лицом.

– Об этом вам лучше спросить графа.

– Я спрашиваю тебя.

– Я не стану говорить с вами об этом, миледи.

Он упрямо наклонил голову и снова принялся за еду. А у меня на глазах грань стерла цвета, чтобы спустя миг снова выплюнуть в мир. Внутри все клокотало – от тщательно сдерживаемой ярости, я нырнула во тьму, окунулась в нее как в мертвое озеро, с головой, и снова оказалась на поверхности. Судорожно втянула воздух.

– Вы не имеете права так со мной обращаться. Я не ваша пленница.

Жером промолчал.

– Смотри на меня. Отвечай!

Я повысила голос самую капельку, но он разорвал тишину, как удар хлыста.

Камердинер мужа ответил мне жестким взглядом.

– Приказ графа, миледи. Чтобы вы себе не навредили. Особенно после того, что вы натворили в Лигенбурге.

Натворила… я? Какая трогательная забота, Верховный ее дери!

Магия взорвалась внутри калейдоскопом тьмы. Черные льдины плавились перед глазами, удушающие нити тянулись своими щупальцами, оплетая тело, разрывая одежду в клочья. Я вцепилась в стол побелевшими пальцами, задыхаясь от переполнявшей меня мощи. Никогда раньше не испытывала ничего подобного, она сочилась сквозь поры и текла в мир, я видела тлеющую скатерть, черные точки побежали по столовому серебру, супница взорвалась в крошку, кожу обожгло. Я не двинулась с места, но расползающаяся от меня тьма пожирала дерево, оставляя за собой осыпающийся под ноги пепел.

Жером вскочил из-за стола, и тьма устремилась к нему. Захлестнулась удавкой на шее…

Всевидящий, нет!

Я потянула ее назад – беснующиеся смертоносные потоки, рвущиеся сквозь меня, толкнула назад, запирая в себе, и словно окунулась в огонь с головой. Ледяное пламя пожирало изнутри, я рухнула на колени, рот заполнил солоноватый

привкус крови. О нет, нет, нет! Да что же это такое? Строчки из письма отца мельтешили перед глазами. Даже он опасался меня: Уильям Биго, сильнейший маг, совладавший с древней магией армалов, боялся, что не сумеет удержать тьму собственной дочери. Он боялся чего-то подобного? И что тогда говорить обо мне самой? Перед глазами мелькнула смазанная картинка – я совсем маленькая, в подземелье Мортенхэйма, падаю в разверзшую пропасть, а тьма вырывается из раскинутых в стороны рук, течет по полу и по стенам… Воспоминание, которое милосердно стерли годы или шок от того, что довелось пережить в детстве.

Я не могу позволить этому повториться. Если это случится сейчас, в доме никто не выживет.

– Всевидящий! Миледи…

– Не трогай меня! – я вскинула руку, и Жером остановился, точно уперся в невидимую стену.

Успокоиться. Как учил отец.

Перекрыть связь… отрезать себя от тьмы.

Вот только она отказывалась отступать – запертая в хрупком сосуде моего тела, бесновалась внутри, выжигала, сводила с ума. На этот раз я не теряла сознание: ни когда меня несли по лестнице, ни когда Жером кричал на высыпавших отовсюду слуг, и те прятались, как мыши, завидевшие кошку. Лица, лица, лица – бесконечные лица, бледные, в пепельно-черной дымке. Под пальцами жалобно треснула простыня, по сравнению с моей кожей подушка казалась нагре-

тым кирпичом. Запястье словно скрутило проволокой – и тьма отхлынула. Не попятилась, как признающий поражение волк, просто отступила с шипением, как змея, уползающая за камень. Готовая напасть в любой миг.

Я судорожно вздохнула и зажмурилась.

– Миледи, что мне сделать?

«Ничего. Ты ничего не сможешь сделать», – хотела ответить я, но из горла вырвался сдавленный хрип.

Образы родных были размытыми и далекими. Я тянулась к ним в тщетной попытке зацепиться за жизнь. Винсент. Строгий, со сдвинутыми бровями, молчаливый, сдержанный и жесткий, такой родной. Матушка, с поджатыми губами и королевской осанкой, за что-то отчитывающая сестру. Лави, милая Лави, украдкой подмигивающая Луизе. Жена брата…

Снова скрутило болью так, что тело выгнулось дугой.

Я справлюсь. Смогу. Остановлю!

Огонь локонов Луизы мелькнул и погас во тьме. Даже надрывный рев Луни, отголосками памяти звучащий в ушах и ржание Демона доносились как через подушку. Глаза кололо насыпанным под веки льдом, но из темноты вдруг отчетливо проступил образ, который я всеми силами старалась забыть: медовые волосы, ослепительное сияние мглы… Липкий пот разъедал кожу. Короткое имя дурманящим противоядием пекло губы, не смея вырваться в мир.

Анри… Анри. Анри!

Тишина. Боль отхлынула, я снова могла дышать: тяжело,

как выброшенная на берег рыба. Открыла глаза, но красок уже не видела. Только грань, затянувшую реальность, только призрачно-бледное лицо Жерома… Значит, следующий приступ не за горами, и он будет еще сильнее.

Что, если я… не смогу удержать Смерть?

14

Сейчас, когда все зависело только от него, сдерживаться было сложно. Сложно не загнать лошадь, которая и так выбивалась из сил на полпути со станции. Дорога в ночи петляла меж полей черной лентой, а белоснежная скатерть аламьены казалась погребальным саваном. Темная сирень неба, ближе к лесу переходящая в лиловый, грозила вот-вот рухнуть на землю. Ругать себя за то, что не остался в Лавуа – бессмысленно, но остановиться он не мог. Поехал, потому что не мог не поехать: нужно было узнать, о чем они говорили с Евгенией, а вытащить из Терезы что-то, о чем она не хочет говорить – проще мир поменять полюсами. Проклинал себя и всех, кого только можно, за то, что сразу не запихнул ее в поезд до Лигенбурга – пусть даже силой пришлось бы отволочь эту несносную девчонку к брату. Тогда не запихнул, а теперь уже поздно.

Она слишком близко подошла к вулкану, который вот-вот проснется.

Встреча с Евгенией сейчас казалась смазанной, как воспоминания десятилетней давности. Прелестное лицо графини напоминало искореженную злым кукольником маску. Злоба сочилась сквозь поры идеальной белоснежной кожи и разъедала красоту, которой эта женщина по нелепой иронии была наделена от природы. Пару минут назад у служанки на

подносе взорвался кофейник. Платье и передник защитили ноги и грудь, но шея, лицо и обнаженные руки пошли волдырями и царапинами. Девушке повезло, что стекло не попало в глаза. Конечно, можно предположить, что просто не выдержал лацианский фарфор. Но фарфор тут был не при чем, просто Евгении отчаянно хотелось сделать кому-то больно. И чтобы он это увидел.

– Твоей леди неплохо бы укоротить язык, – прошипела она.

В ту минуту он впервые в жизни готов был схватить ее за плечи и встряхнуть так, чтобы голова мотнулась назад, высокомерное выражение стерлось из глаз изумлением, а затем и страхом. Слишком сильные чувства для него – сильные, необычные и пугающие. Анри привык к тому, что вывести его из себя нереально, но там, где речь заходила о Терезе, все переворачивалось с пяток на макушку.

Сдержался он с трудом. И только потому, что так можно сделать гораздо хуже.

– Не забывайся. – Этого хватило сполна. – Ты говоришь о моей жене.

– Вот как?!

Евгения быстро взяла себя в руки. Откинувшись на спинку кресла в гостиной, курила сигарету, зажав мундштук между тонкими пальцами. Другая горничная как раз убрала осколки и явно спешила убраться сама, опасливо поглядывая на хозяйку.

– Теперь понятно, почему она передумала разводиться. – Ноздри графини дрогнули, придавая лицу хищное и жестокое выражение.

Понятно? Хотел бы он то же самое сказать о себе. Увы, поступки Терезы не поддавались никакой логике. И то, как она себя вела – ломая все привычные схемы, выбивая из колеи, впервые за долгое время заставляло чувствовать себя… необычно. К болезненной радости встреч примешивалось слишком много опасных «но». Посадить Терезу на поезд насильно, со скандалом увезти в Энгерию значило раскрыть все карты. Подставить в первую очередь ее, самому толкнуть к ним в руки. Поэтому до последнего надеялся, что она одумается: поставит подпись, уедет сама. А она отправилась в змеиную нору. Он сделал все, чтобы Тереза заперлась в Мортенхэйме, вернулась к жизни, из которой Анри выдернул ее своими руками. Но это почему-то не сработало.

Евгения сморщила нос, словно даже ее любимый ванильный табак сейчас горчил.

– Дерзости ей не занимать. Самомнение до небес, еще и некромаг, мерзость! Самая гадкая магия, которую только можно представить.

– Смотря как ею распорядиться.

– Раньше ты бы в ее сторону даже не взглянул.

Он жестко улыбнулся.

– Раньше у меня был вкус попроще.

Графиня слегка побледнела: ответить на выпад – значит,

принять на свой счет. Впрочем, в долгу она не осталась.

– Хотя Симона можно понять. Ее кровь – бесценный эликсир.

Анри поймал себя на том, что пальцы сжались в кулак.

– Ты рассказала ему?

– Разумеется, – Евгения стряхнула пепел и снова затянулась. По комнате плыл сладкий аромат, пронизанный горьковатыми нотками дыма. – Не хочется объяснять Эльгеру, почему я молчала, если он узнает от кого-то другого.

Красивые губы тронула улыбка, и в этот миг он почти почувствовал под своими пальцами эту хрупкую шею. Когда Евгения потянулась к его запястью, с рук сорвалась золотая дымка, заставившая графиню отпрянуть. Его хлестнули яростным взглядом, но Анри даже не пошевелился. Прищурившись, наблюдал, как мгла поглощает терпкий сигаретный туман. Ни с одним из них не было ни малейшего желания говорить о ней.

– Золотце, – голос у Евгении тоже был сладким, как пирожное, пропитанное смертью настойки наэла, – тебе придется представить ее Симону. Я не горю желанием видеть твою леди в наших рядах, и, если ты тоже этого не хочешь… Буду рада помочь по старой дружбе.

В этот миг браслет потянуло болью: сначала слабой, будто кто-то затягивал на запястье ремень, края которого впивались в кожу. Потом сильнее, ярче, словно ожог прорастал в кожу и вгрызался в кость. В груди, вопреки всему похоло-

дело. Тереза в Лавуа, Жером за ней присматривает. Попыталась бежать, сцепилась с ним? Он бы не посмел причинить ей вред, так что там могло случиться, демоны раздери?

– Он будет в Ольвиже через несколько дней, просил его дождаться.

– Просил? – Анри усмехнулся. Неосознанно, стараясь не смотреть на запястье.

– Просил. – Евгения передернула плечиками и положила мундштук на край пепельницы. Они оба знали, что просьба Симона равнозначна приказу. – Кстати, Эльгер собирается отдать сыну лабораторию. Этому…

Она не договорила, растянула последнее слово, но сейчас ему было не до Эрика.

– Извини.

Несмотря на упорный шепот разума, уговаривающий остаться и продолжить беседу, Анри поднялся, перехватил ее удивление и вышел. Сложно сосредоточиться на разговоре, когда внутри все переворачивается от тревоги за ту, что умудряется найти проблемы на свою голову даже там, где их найти невозможно. Сердце стучало глухо, как могли бы бить запертые в подвале часы.

В гостинице он связался с Жеромом и получил ответ, что ей просто стало плохо. Браслет и впрямь немного отпустило, напоминающая старую ржавчину отрава с него сползла, но спокойнее почему-то не стало. Поэтому Анри отправился на вокзал и успел на вечерний поезд: пожалуй, единственное, за

что себя можно похвалить. «Просто стало плохо» вернулось посреди ночи, прямо в купе. Холодом вдоль позвоночника, липким потом: браслет «раскрывался». Теперь они чувствовали друг друга как самое себя, и Анри проснулся с ощущением, что кто-то накручивает его внутренности на вертел. Следующий приступ застал уже днем, на одной из станций. Вместе с очередным сообщением Жерома, из которого стало понятно, что у Терезы отравление магией.

В древности, когда магия была сильна, люди практиковали ее каждый день, не позволяя застояться и превратиться в яд, выжигающий изнутри. Позднее она начала слабеть, чаще всего просто не достигала такого уровня, чтобы убить человека, даже несмотря на то, что применялась все реже. И все-таки несколько упоминаний в истории было, в летописях, которые он просматривал в библиотеке Лиги. Такое случалось, когда сильный маг раскрывал свой потенциал, а потом намеренно его сдерживал. Долго подавлял силу, которая в конечном итоге прорывалась в мир и убивала его, а заодно и всех, кто оказывался рядом. Правда, был один случай, когда маг удержал мощь беснующейся стихии, но сам сгорел изнутри. Буквально.

Целители здесь бессильны, а после определенного момента, переломной точки, спасти человека уже нельзя. Поэтому сейчас он думал только о том, что должен успеть. Заметив белеющий во тьме фасад дома, пришпорил лошадь. Она жалобно заржала, но устремилась вперед, в надежде что ад-

ская гонка вот-вот закончится. Копыта прогрохотали по мосту, серебром пыли в свете луны взметнулся гравий. Анри подался назад, чуть сдавливая упругие бока. Швырнул поводья выбежавшему Жерому и взлетел по лестнице. Свет горел только в холле, окна темнели щербинами, но дом не спал.

Шаги в такт биению сердца.

Он ворвался к ней в спальню и замер: утопающая в подушках, с заострившимися чертами и искусанными до крови губами. На побелевших ладонях чернели полумесяцы ногтей, на которых запеклась кровь. Глаза как провалы на тонком лице – раскрытые во всю ширь, без белков. Абсолютно черные. Всевидящий, что же ей довелось пережить?

Маленькая храбрая девочка.

И ведь удержала в себе всю магию смерти – силу, страшнее которой сложно что-то представить.

– Я все приготовил, – раздался за спиной голос Жерома, – уверен, что хочешь отвезти ее туда? Ты мог бы…

– Уверен. Ей нужно пространство.

Анри наклонился и осторожно поднял Терезу на руки. Она не сопротивлялась, голова запрокинулась назад, волосы потекли вниз. Не без сознания, в глубоком полумагическом дурмане – безумно далеко от мира живых. Перехватил, прижал к груди, чтобы ей было удобнее. Ледяная – не только руки и ноги, она сама словно была выточена из текучего льда. Сердце билось еле слышно – вместо десяти ударов от силы один.

Жером посторонился, когда он быстро вышел из комнаты и направился вниз, к замершему перед домом экипажу. Снова сумасшедшая гонка – до замка, за которым вдалеке поднималась гряда гор, пронзая зубьями небо, а совсем рядом темнело море, располосованное дорожкой лунного света надвое. В последний раз он был здесь после возвращения земель – бродил по полуразрушенным, заваленным залам, глядя на обугленные останки портретных рам и обломки мебели – единственное, что осталось от его дома. Не думал, что когда-то еще вернется сюда, даже спустя столько лет это по-прежнему больно: память сердца не считается со временем. Но сейчас важна была только женщина, замершая на его груди как послушная кукла. Он наклонялся к ней и шептал всякие глупости – о том, как мальчишкой играл на побережье с отцом, как тот учил его фехтовать, как мама смеялась, глядя на их дружеские поединки. Говорил, что все будет хорошо, и сжимал безвольные, тонкие пальцы.

Вот только Тереза ничего не слышала. Ни единого слова.

Лес остался за спиной, вместе с небольшой деревушкой. Жером правил уверенно и со знанием дела: несмотря на быстрый ход, за всю дорогу их ни разу не тряхнуло. Экипаж остановился далеко от замка, и Анри осторожно спустился вместе со своей бесценной ношей. Ее холод он чувствовал даже несмотря на то, что Тереза была завернута в плед. Боль давно ушла, но стало только хуже: внутри разрастался снежный ком, подбирающийся к сердцу.

– Она пригласила меня на обед, – негромко сказал Жером, когда они направились к замку.

– Что?

– Пригласила на обед. Посадила с собой за стол, хотя вправе была просто отчитать за слежку.

Прежняя Тереза так бы и поступила. Но прежняя, видимо, осталась в Мортенхэйме. Женщину, которая приехала в Ольвиж, приходилось узнавать заново: каждое мгновение. Она изменилась – едва уловимо и в то же время так сильно, что казалась вышедшим из зазеркалья двойником леди Терезы Биго.

– Почему ты не хочешь сказать ей правду?

Анри впился взглядом в мертвенно-бледное лицо и ускорил шаг. Беззвучно просил, чтобы Тереза осталась жива: всех, кто готов слушать. Все остальное сейчас не так важно.

– Анри, ты научил меня смотреть на все без лишних эмоций. Ты никогда не показываешь своих чувств, но сейчас… ты же на ней помешался! Передо мной два призрака, и я не уверен, что из вас двоих ближе к смерти она.

– Она меня ненавидит. И это правильно.

– Она тебя звала! До тех пор, пока не впала в беспамятство.

Анри не ответил. Он не представлял, даже не хотел представлять, каково ей там одной, внутри. Если сознание заперто на грани, держится она из последних сил. Небо начинало светлеть, скоро выползет огненный край солнца, и это игра-

ет им на руку. В ночи золотая мгла сияла бы, как маяк, а лишние вопросы никому не нужны. Рассвет поглотит все и скроет за своим сиянием. Главное сделать все быстро. Главное ее спасти.

О том, что может быть иначе, он даже думать не хотел.

– Что ты собираешься делать?

– Золотое кольцо.

Жером дернулся, замедлил шаг, но тут же бросился следом. Развернулся лицом и теперь отступал, подстраиваясь под его шаг.

– С ума сошел?

Золотое кольцо – купол силы хэандаме, замыкающий внутри себя пространство, под которым способна бушевать сколько угодно разрушительная магия, не причиняя вреда миру. Да, придется нелегко, но стычка с Эриком, чуть было не стоившая Анри жизни, разбудила истинную силу золотой мглы. Убийственная суть антимагии коварна: с каждым разом ее могущество становится для него все более разрушительным, но это малая цена за жизнь той, без кого жизни уже не будет.

– Боишься, что придется тащить меня на себе, а сам плохо поужинал?

– Идиот.

– Как-то это непочтительно по отношению к графу.

– Со всем почтением, граф, вы идиот.

По губам Анри скользнула тень улыбки, но Жером сло-

жил руки на груди, резко развернулся и молча пошел рядом. По размашистым движениям становилось понятно – на взводе. Спорить не будет, но завелся не на шутку. К чему душу рвать? Подумал бы лучше о Мэри – энгерийская девчонка оказалась на удивление храброй. Хотя и смущалась постоянно, сегодня даже просилась поехать с ними: посреди ночи, невзирая на то, что творится с Терезой.

– Возвращайся, – негромко сказал Анри, – посмотришь за экипажем. Ближе не суйся, кольцо может поползти. Или его придется расширить.

Пока что он смутно представлял истинную силу Терезы, но лучше не рисковать.

– Ты же будешь держать, какая разница?

– Я буду держать изнутри.

– Совсем рехнулся?

– Я не оставлю ее одну наедине с этим.

Если Жером и хотел возразить что-то еще, Анри оставил все за спиной. Быстро зашагал вперед, прижимая ее к себе, согревая теплом.

– Совсем немного осталось, маленькая. Потерпи.

Чем ближе подходил к замку, тем светлее становилось: осенний рассвет неторопливый, но яркий. В прошлый раз, когда он сюда приезжал, из сердца поднялась такая муть, с которой ни одна болотная топь не сравнится, но сейчас, как ни странно, не было никаких мыслей, кроме как о предстоящем. Море плескалось пронзительной синевой, кипело жиз-

нью, вопреки которой впереди возвышался высокий каменный остов: безжизненный, запорошенный пылью, покрытый копотью. Внутренний двор зарос травой, на стенах – густая завеса плюща.

Анри прошел через выгоревшие двери и оказался в пустом просторном холле. В его памяти он оживал ярким сиянием сотен свечей, но сейчас это была просто пыльная зала, плиты поросли мхом, у огромного камина стесан угол, сам он завален камнями. Над головой раскинулось наливающееся яркой синевой небо.

Поддерживая Терезу, стянул сюртук, швырнул его на пол. Осторожно уложил ее головой на плотную ткань и опустился рядом на колени. Сжал хрупкие пальцы, мягко надавил на ладонь, заставляя ранки от ногтей раскрыться. Кровь некромага используют для создания сильнейших заклинаний. И если сейчас она не освободит ее силу, это не сделает уже ничто и никто.

Крохотная капелька потекла по ладони, за ней вторая. Третья, четвертая… Упали на пол, расцветая на камне.

С неба брызнул рассвет.

Тереза моргнула и села, невидяще взглянула в пустоту, а потом с ее пальцев сорвались первые нити тьмы.

Мглу можно сравнить с внутренним пожаром, который не причиняет боли. Раскаленное солнце растекается по сосудам и вырывается вовне. Все, что прикрыто мглой – подернуто золотой дымкой, прочее – алое, как кровь. Или как ее платье,

в котором она вышла от Евгении. Он смотрел на беснующуюся в двух шагах алую смерть, стирающую мох, плющ, обугленную драпировку и куски гобеленов, обращая их в прах. Нити цвета сырой земли с шипением хлестали обманчиво хрупкую золотую дымку, обжигались и таяли, на смену им приходили другие – новые, мощные вихри, не знающие пощады.

Глазами жены на него сейчас смотрела сама Смерть.

Прислонившись к спинке экипажа, Жером прикрыл глаза на поднимающееся из-за леса солнце. Судорожно сжатые на предплечьях пальцы были холодными. Он старался не думать о том, что творится в замке, поэтому пропустил миг, когда все началось. Сначала жалобно заржали лошади, дернулась карета, пришлось перехватить вороных под уздцы. Потом под веками полыхнуло так, словно взорвалось солнце. Не веря себе, мужчина глядел на растянувшийся над разрушенными стенами и прилегающими к нему землями золотой купол, сливающийся с яростным светом восхода. Но то, что творилось под ним…

Густая вязкая темень заполонила собой все, как дым разошедшегося пожара. Вскоре во тьме потерялись и стены, и то, что за ними. Черные плети бились о преграду и таяли, не в силах прорваться дальше. Благородных кровей по отцу, Жером привык к магии с детства, но сейчас у него на руках волоски встали дыбом. Текучая смоль закручивалась в вихри,

возносилась под самый купол и обрушивалась на землю. Разглядеть в этом карнавале смерти хотя бы что-то было невозможно.

Закончилось все так же неожиданно, как началось.

Под куполом стало светлее, задрожала золотая дымка. Черные ленты потянулись назад.

Сглотнув, он отпустил поводья и неуверенно шагнул вперед.

Замок и двор вдалеке представляли выжженную пустыню: ни травы, ни веточки, только камень и земля, покрытая налетом праха. Земля, которая теперь вряд ли будет плодоносить. Даже копоть с камня ушла, вычищенная добела неумолимой рукой магии, словно кость.

Тьма скрылась за стенами, а следом рухнула преграда золотой мглы.

И тогда Жером не просто пошел – побежал.

15

Ветерок приятно холодил плечо, голова казалась свежей и ясной, как озерцо в летний зной, но все равно было невероятно тепло. Меня обвивала рука, к руке прилагался серо-зеленый муж, горячий как пирожок только что из печи. Мы оба были полностью обнажены, а от того, как он меня обнимал – сейчас переплетались не только наши пальцы, но и тела, бросило сначала в холодный пот, потом в жар. Вопить и брыкаться после всего что между нами было в прошлом, как-то нелепо, поэтому я просто моргала. Прописная истина: если попала в лапы чудища, лучше не дергаться и не будить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.